

МАКСИМ ЮЮКИН

Белый лебедь на черной реке

МИФЫ ФИННО-УГОРСКИХ
НАРОДОВ

Максим Ююкин

**Белый лебедь на черной реке.
Мифы финно-угорских народов**

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=19424096

ISBN 9785447491147

Аннотация

Первый на русском языке литературно-художественный пересказ финно-угорских мифов. Увлекательное повествование о древних богах и героях народов, населяющих обширные пространства северо-восточной части Евразии.

Содержание

Предисловие	6
Карельские, ижорские и финские мифы	24
Калевала	24
Рождение Вяйнямёйнена	24
Первые труды Вяйнямёйнена	27
Вяйнямёйнен обретает мудрость	30
Сватовство Вяйнямёйнена	34
Месть Ёукахайнена	38
Вяйнямёйнен в гостях у хозяйки Похьёлы	39
Второе сватовство Вяйнямёйнена	41
Сотворение Сампо	42
Лемминкяйнен находит жену	45
Кюллиikki нарушает клятву	48
Лемминкяйнен ловит лося Хийси	51
Гибель Лемминкяйнена	52
Мать возвращает Лемминкяйнена к жизни	54
Вяйнямёйнен в загробном мире	56
Вяйнямёйнен узнает заветные слова	59
Соперничество Вяйнямёйнена	61
и Ильмаринена	
Свадьба Ильмаринена	62
Лемминкяйнен едет в гости	65
Лемминкяйнен в бегах	73

Лемминкяйнен объявляет войну	77
Куллерво – несчастный герой	78
Конец ознакомительного фрагмента.	81

**Белый лебедь
на черной реке
Мифы финно-
угорских народов
Максим Ююкин**

© Максим Ююкин, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Предлагаемая вниманию читателя книга является первым на русском языке опытом литературно-художественного изложения мифов финно-угорских народов.

На обширных пространствах северной части Евразии от побережья Балтийского моря и среднего течения Дуная до Западно-Сибирской равнины проживают народы, говорящие на языках, которые относятся к финно-угорской группе. Выделившись примерно в 3–2 тыс. до н. э. из уральской общности (к которой относятся также самодийские народы: ненцы, энцы, селькупы и ряд других), финно-угорский мир в процессе своего исторического развития разделился на ряд ветвей, характеризующихся особой этноязыковой и культурной близостью образующих их языков и народов. В северной и восточной Прибалтике проживают народы, говорящие на языках прибалтийско-финской группы: финны, карелы, эстонцы, а также ряд малых народов, находящихся под угрозой исчезновения, – вепсы, ижора, водь и ливы. К прибалтийско-финским близок саамский язык, носители которого живут на севере Скандинавии в пределах трех государств – России (на Кольском полуострове), Финляндии и Норвегии. Верхнее и Среднее Поволжье – территория, занимаемая волжскими народами (мордвой, которая делится на две этнические группы – эрзю и мокшу, и ма-

рийцами), а Прикамье и Приуралье – родина пермских народов (коми, подразделяющихся на коми-зырян, коми-пермяков и коми-ижемцев, и удмуртов). На среднем Дунае живет самый многочисленный финно-угорский народ – венгры, переселившийся туда в конце IX в. с Урала, близ которого, на Западно-Сибирской равнине, находится зона проживания их ближайших родственников – хантов и манси, носящих общее название обских угров. Эти три народа образуют угорскую ветвь финно-угров. Канули в историю такие известные из древнерусских летописей и других письменных источников финно-угорские народы, как меря, мещера и мурома, которые были близки к современным волжским финнам, а также югра и печора.

Мифологии отдельных финно-угорских народов, при всех их различиях, имеют ряд общих черт, свидетельствующих о том, что они имеют общую основу. Так, общими для финно-угорских народов являются мифы о сотворении мира и о героическом сватовстве в далекой земле, имя верховного бога, восходящее к слову со значениями «небо» и «воздух» (кар.-фин. Ильмаринен, саам. Ильмарис, удм. Инмар, коми Ен, хант. и манс. Нум-Торум; вепс. Юмоу, саам. Юбмел, мар. Юмо (Йымы), коми Йомаль и др.), а также ряд представлений, свойственных и мифологиям многих других народов мира (трехчастное деление мира, образ мирового древа и др.). Еще многочисленнее более частные соответствия (ср., например, сюжет о войне бога грома против злых

духов в саамской и мордовской мифологиях, тринадцать кереметей у марийцев и тринадцать охотников (отец и двенадцать сыновей) в эпосе коми и др.).

Как известно, мифологические представления возникают в результате одушевления древним человеком окружающего его мира. Мифы финно-угорских народов являются яркой иллюстрацией этого тезиса. Финно-угорские боги – это почти всегда персонификации природных явлений (воздуха, воды, ветра, грома, молнии и под.). Среди них мы почти не найдем богов, воплощающих отвлеченные понятия (любовь, красоту, мир и под.), свойственных мифологиям наиболее развитых народов (прежде всего античной). Только у венгров мы встречаем специального бога войны. Номенклатура божеств отличается удивительным разнообразием: как уже указывалось, только имя верховного бога является общим почти для всех языков; несколько совпадений можно обнаружить в отдельных ближайше родственных языках. Уже одно это обстоятельство показывает, каким богатством и национальным своеобразием отличается мифология финно-угорских народов. Погрузимся же в увлекательный мир финно-угорских мифов и начнем свое знакомство с ним с краткого обзора произведений устного народного творчества, послуживших источником нашего изложения.

Эпос «Калевала» был составлен замечательным финским энтузиастом, собирателем фольклора Элиасом Лёнротом (1802–1884) из собранных им карельских, ижорских и финских рун (народных песен) и впервые издан (в неполном виде) в 1835 г. Великое творение народного гения, в котором подлинно эпические мощь и размах сочетаются с тонким лиризмом, картины повседневной жизни – с самой причудливой фантазией, а точность и конкретность в изображении природы и быта – с глубиной философского и нравственного содержания, сразу покорило сердца читателей во всем мире.

По единодушному мнению ученых, «Калевала» возникла в период разложения родового строя (который у финских племен датируется IX в.), хотя в ней можно найти как отражения древнейших первобытных реалий, так и напластования, относящиеся к более поздним эпохам.

В центре повествования находятся образы страны Калевалы и населяющих ее людей. Мудрый Вяйнямёйнен, объединяющий в себе черты творца-демиурга, культурного героя, эпического богатыря и духовного вождя-законодателя типа библейского Моисея, трудолюбивый, умелый Ильмаринен, удалой гуляка Лемминкяйнен – каждый из главных героев «Калевалы» воплощает какую-то из существенных черт народного характера, создавая в совокупности целостный

многогранный образ народа, подарившего нам этот великий эпос.

Особняком среди героев «Калевалы» стоит трагическая фигура Куллерво. Композиционно его печальная история, некоторые мотивы которой заставляют вспомнить греческий миф об Эдипе, слабо связана с основной линией повествования, действующие в ней персонажи (за исключением Ильмаринена и его жены) не присутствуют в остальной части текста. В отличие от других главных персонажей, он является неполноправным в социальном отношении: Куллерво – раб, оказавшийся в таком положении в результате конфликта, который – и это необычно для «Калевалы» – носит не сказочно-мистический, а чисто социальный характер и вызван нарушением права частной собственности. Таким образом, архаическая цельность мира «Калевалы» оказывается нарушенной нарождающимися классовыми отношениями. С гениальной прозорливостью, не уступающей открытиям мастеров критического реализма XIX века, коллективный автор «Калевалы» уже на начальном этапе развития этих отношений интуитивно постиг неразрывную связь частной собственности и преступления и с огромной художественной силой показал безысходный трагизм порождаемых ими социальных и нравственных коллизий.

Для понимания истоков сказания о Куллерво чрезвычайно важен хантыйский миф о сыне верховного бога Нум-Торуа, вступившем в противостояние со своим отцом. Пара-

леллизм многих элементов сюжета (Куллерво рожден и вырос в рабстве у своего близкого родственника Унтамо – сын Торума сразу же после рождения заточен отцом в каменном доме, Куллерво убивает жену своего нового хозяина Ильмаринена – герой хантыйского мифа вступает в связь с женой слуги своего отца, к которому уходит жить после ссоры с последним; особенно похожи в обоих сказаниях описания безуспешных попыток родственников убить главного героя) не оставляет сомнений в том, что перед нами варианты одного и того же мифа, который, таким образом, существовал уже в прафинно-угорскую эпоху.

Помимо Калевалы, большое место в повествовании занимает изображение далекой от нее северной страны Похьёлы, отождествляемой с Лапландией и характеризующейся однозначно отрицательно. Это антипод и постоянный антагонист Калевалы, царство зла и смерти; ее жители (Лоухи и ее дочери, Ёукахайнен) наделены самыми отталкивающими чертами характера: злобой, завистью, мстительностью, коварством и жестокостью; ограду вокруг дома хозяйки Похьёлы «украшают» человеческие черепа и змеи. Негативность в изображении Похьёлы несколько ослабевает лишь в одном эпизоде – описании свадьбы Ильмаринена и дочери хозяйки Похьёлы, занимающем около одной пятой части текста эпоса; обитатели северной страны в нем на время предстают радушными, заботливыми хозяевами, искренне пекущимися о том, чтобы торжество прошло благополучно. Светлая поэ-

зия, которой овеяно это событие человеческой жизни (к слову, эта часть «Калевалы» широко включает песни, причитания и произведения других поэтических жанров, являющихся неотъемлемой принадлежностью свадебного обряда), способна рассеять, пусть и на краткое время, даже мрачную ауру Похьёлы. Диалектика отношений Калевалы и Похьёлы глубоко исторична и верно отображает сложность взаимосвязей между народами-соседями, примеры которой в изобилии дает нам мировая история. Вспомним, к примеру, отношения древнерусских князей с половцами, включавшими не только постоянную военную борьбу, но и временные союзы и взаимные браки.

Мир «Калевалы» – это мир, полный чудес, и чудеса эти неразрывно связаны с понятием прекрасного, с творческим началом, с искусством. Своими волшебными песнями Вяйнямёйнен и Лемминкяйнен способны выращивать деревья, обращать песок в золото, создавать животных и птиц; когда поет Вяйнямёйнен, все в мире замирает, замороженное его искусством, останавливаются даже небесные светила. Пожалуй, ни в одном другом произведении мысль о великой созидательной силе искусства не получила столь последовательного, яркого, конкретно-образного воплощения, одновременно трогательного в своей наивности и глубоко мудрого по сути. В мире «Калевалы» пение волшебной песни, обладающей заклинательной силой, – универсальное средство, помогающее решать самые разнообразные задачи от мелких

бытовых проблем до победы над целым сонмом злых колдунов и открывания замков, за которыми находится чудесное Сампо. Власть над вещью обретает только тот, кто знает о ее происхождении; это сокровенное знание не всегда доступно героям «Калевалы», но они настойчиво и самоотверженно стремятся к обладанию им, и наградой им служит неизменный успех, которого они добиваются на этом пути.

Но этот успех ожидает их лишь на пути духовных исканий (ведь даже кульминационное событие эпоса – борьба за волшебную мельницу Сампо – далеко выходит за рамки обычного стремления обеспечить свое материальное благополучие, приобретая характер схватки с метафизическим мировым злом во имя торжества идеалов добра и справедливости); в более приземленных вопросах они нередко оказываются трагически беспомощными. Так, фатальное невезение преследует их в попытках устроить свое семейное счастье (два неудачных сватовства Вяйнямёйнена, одно из которых приводит к самоубийству невесты; женитьба Ильмаринена, обернувшаяся для него болью утраты и трогательной в своей обреченности попыткой заменить погибшую жену золотым изваянием, а чуть позже еще и его неудачное сватовство; страсть Куллерво, повлекшая роковой по своим последствиям инцест).

Светлое волшебство героев Калевалы, берущее истоки в высших, сокровенных началах бытия («вещей происхождение») и преображающее мир, делающее его прекраснее,

отчетливо противопоставляется мрачной, примитивной ворожке колдунов Похъёлы, неизмеримо превосходя ее по силе и неизменно торжествуя над ней.

Но герои Калевалы не всемогущие боги (от мира которых их мир отделен отчетливой границей: постоянно присутствуя в помыслах и речах героев, боги – верховное божество Укко, морской бог Ахто, бог леса Тапио и др., тем не менее, почти не появляются в произведении в качестве непосредственных действующих лиц), их чудесные возможности имеют определенные пределы. Например, когда речь заходит об атмосферных явлениях (ветре, тучах, снеге), они вынуждены обращаться за помощью к небесному вседержителю Укко, а сложная ремесленная работа (постройка лодки, ремонт саней) не может быть выполнена ими без помощи божеств из мира мертвых. И если первый никогда не отказывает героям в помощи и не заставляет просить себя дважды, то для того, чтобы заручиться поддержкой вторых, изначально настроенных недоброжелательно, им приходится идти на разные уловки и ухищрения. Кузнец Ильмаринен может сделать любой неодушевленный предмет (включая небесный свод) и даже животное, но изготовить живого человека или небесные светила, которые обладали бы свойствами настоящих, не в его власти.

При этом любопытно, что именно Ильмаринен является единственным из главных героев, который почти никогда (за исключением одного случая), даже в самые критические

моменты, не обращается к помощи богов или к чудесным заклинаниям. Молот, мехи и наковальня – вот единственные орудия, с помощью которых он творит свое волшебство, соперничать с ним в котором не дерзает даже мудрый Вяйнямёйнен. В представлении создателей «Калевалы» труд, мастерство – такая же могучая сверхъестественная сила, как и чары волшебников, полностью самодостаточная по отношению к последним.

В последней руне «Калевалы» явственно чувствуется влияние иной эпохи, чем та, духом которой пронизана остальная часть эпоса. История о рождении сына девушки Марьятты, в которой ощущается влияние евангельского рассказа о рождении Иисуса Христа, завершается крещением ребенка и полным поражением прежней, сказочно-языческой Калевалы перед лицом утверждающегося христианства. Но это поражение не означало гибели Калевалы. Переместившись в область народных песен и преданий (символом чего является кáнтеле Вяйнямёйнена, оставленное им народу), она по праву заняла место среди величайших духовных сокровищ человечества.

***

Подвиг Э. Лёнрота вдохновил и других собирателей финно-угорского фольклора. В 1857–61 гг. четыре выпусками выходит из печати эстонский эпос «Кáлевипоэг», состав-

ленный писателем Фридрихом Рейнхольдом Крейцвальдом (1803–1882), который продолжил и успешно завершил работу, начатую ранее Ф. Фельманом.

В отличие от персонажей «Калевалы», сила которых лежит преимущественно в духовно-мистической сфере, а их физические возможности являются производными, вторичными по отношению к ней, обеспечиваясь заклинаниями и молитвами, Калевипоэг – традиционный герой богатырского эпоса, подобно русским Святогору и Илье Муромцу, шумеро-аккадскому Гильгамешу, киргизскому Манасу и многим другим.

Сила Калевипоэга характеризуется в эпосе неоднозначно. Поначалу она предстает как архаически необузданное и жестокое начало; отправившись в землю финнов, чтобы покарать колдуна Туслара за похищение матери, Калевипоэг ведет себя в чужой стране как беспощадный захватчик: силой овладевает девушкой-островитянкой и во хмелю убивает ни в чем не повинного сына кузнеца, чем предопределяет свою будущую трагическую гибель.

Мотивы трагической предопределенности (Калевипоэгу еще до совершения им этих преступлений предсказана ранняя насильственная смерть), тайны, раскрыть которую безуспешно пытается человек (несмотря на отчаянные усилия, герой так и не узнает об обстоятельствах смерти своей матери), и ответственности за свои поступки (смерть Калевипоэга – расплата за убийство кузнеца, исполнение завета, на-

ложенного отцом убитого) становятся в эпосе чрезвычайно емкими метафорами, стержнями, на которых держится философская концепция человеческой судьбы.

Теневая сторона личности Калевипоэга снова фатально проявляет себя в конце повествования, когда из-за своего легкомыслия он лишает свой народ книги, в которую его отец Калев записал установления, являвшиеся основой благополучия страны. Таким образом, Калевипоэг не только творец кратковременного процветания своего народа, но и виновник его многовековых страданий.

Главная задача Калевипоэга – борьба со сверхъестественными злыми силами, венцом которой является победа над персонажем, выступающим под табуистическим именем Рогатый. В образе последнего мифологические представления о божестве-хозяине подземного мира сочетаются с элементами социальной сатиры: Рогатый предстает как жестокий феодал, держащий подвластные ему души умерших на положении рабов или крепостных и заставляющий их работать на себя. Именно подчиненностью всех сил героя решению основной для него задачи победы над этими силами объясняется странное для государя пассивно-безучастное отношение Калевипоэга к известию о вторжении неприятеля в начальный период его правления. Лишь победив Рогатого, Калевипоэг начинает вести себя как подобает князю и возглавляет войско для отпора врагу.

Став правителем, Калевипоэг ведет себя скорее как куль-

турный герой, чем как монарх, все его действия носят подчеркнута мирный, созидательный характер: он пашет землю, устанавливает межи, запасается лесом для строительства городов. Начав свое правление с дела, совсем не соответствующего его новому положению, – вспахивания поля, Калевипоэг как бы подчеркивает, что стремление к мирному труду является определяющим для духа народа, который он воплощает.

Не имея себе равных по силе среди людей, Калевипоэг трагически одинок. Еще не родившись, он теряет отца, и череда потерь самых близких сопровождает его всю жизнь. В конце повествования герой, после гибели на поле боя ближайших соратников до конца осознавший одиночество своего жизненного пути, окончательно порывает связи с людьми и, отказавшись от власти, поселяется в лесу.

Судьба Калевипоэга остается трагической до конца: даже после смерти он, прикованный, подобно античному Прометею, к скале, вынужден по воле бога Таары охранять побежденного им Рогатого, с весьма призрачной надеждой на освобождение в будущем.

В эпосе «Калевипоэг» широко представлен языческий пантеон древних эстов. Помимо богов, соответствия которым известны из «Калевалы» (Уку: ср. кар.-фин. Укко, Ильмарине: Ильмаринен, Ахти: Ахто, Мана), здесь упоминаются верховный бог эстов Таара, боги грома Эйке (или Кыуэ), молнии Пикне, дух-хранитель Халдья, злой бог подземного

мира Тюхи, дева света Ильманейтси, дочь Кыуэ, и др. Между миром богов и миром людей (героев) здесь нет такой четкой границы, как в «Калевале»: Уку и Рыгугутая (божество, связанное с процессом деторождения) приходят к Линде, чтобы помочь ей при родах; подземный бог Тюхи вступает в прямое противостояние с Калевипоэгом, стремясь отомстить за своего свояка Рогатого, и т. д.

***

В мифологии саамов, при всей ее близости прибалтийско-финской, обнаруживается ряд оригинальных сюжетов, полных подлинного поэтического очарования. Среди них выделяется миф о прародителе саамов, человеке-олене Мяндаше. Миф о Мяндаше считался у саамов сокровенным знанием и в течение многих столетий хранился в глубокой тайне. Даже открывший его в 60-е гг. XX в. В. В. Чарнолуский, сам имевший саамские корни, узнал о его существовании лишь в последние годы жизни. Чрезвычайно сложен, полон драматических коллизий и неожиданных поворотов сюжет прекрасного мифа о лунной деве.

На дошедшие до нас мифологические представления волжских финнов (мордвы и особенно марийцев) сильно влияние оказали монотеистические религии – христианство и ислам. Причем если в мордовском мифе о сотворении мира представления о боге-творце и противостоящем ему шай-

тане как бы наслаиваются на исконный общезинно-угорский миф о сотворении мира из яйца утки, летающей над водами, а земли – из песка или ила, добытых со дна первичного моря, то в марийском сказании инициатива окончательно переходит к богу и дьяволу, а утка упоминается лишь как жертвенная птица.

Космогонии волжских финнов присущ своеобразный дуализм: дьявол выступает в нем сотворцом бога, активным участником акта творения; только если бог создает все прекрасное и полезное, то дьявол – уродливое и зловредное. Бог и дьявол постоянно борются друг с другом (особенно отчетливо этот мотив реализуется в мордовском мифе о боге грома Пургине-Пазе, находящем очень близкую параллель в мифологии саамов) и в то же время не могут друг без друга обойтись: в марийском мифе прямо говорится, что бог и дьявол ничего не могут сделать отдельно друг от друга, но лишь совместно.

Влияние христианства особенно заметно в марийской мифологии. Многие марийские мифы представляют собой лишь слегка переработанные библейские сказания о сотворении человека, грехопадении, потопе и др. Воздействие монотеизма ощущается и в том, что в марийских мифах выступает только один бог – Юмо, что резко контрастирует с богатой и детально разработанной божественной генеалогией у мордвы.

Дуалистический характер носит и миф о сотворении ми-

ра у коми, в котором действуют бог Ен и его антипод дьявол Омэль. Этими персонажами, а также богом легендарных предков коми – чуди Йомалем, собственно, и исчерпываются наши знания о высшем пантеоне коми мифологии. Гораздо лучше сохранился героический эпос этого народа. Коми-зырянские эпические песни о Педоре Кироне и Кирьяне-Варьяне, коми-пермяцкие прозаические сказания о Кудым-Оше и Пере, ижмо-колвинский охотничье-оленоводческий эпос ярко отразили быт и традиции своих создателей. Из целой галереи образов коми богатырей выделяется Кудым-Ош, который замечателен не только силой и воинскими подвигами, но и является культурным героем, введшим у своих соплеменников кузнечное ремесло и земледелие. Эпос коми гораздо отчетливее, чем мифологические сказания других финно-угорских народов, отразил подлинные исторические события: межплеменные войны за обладание скотом (в данном случае стадами оленей), характерные для разных народов в эпоху формирования раннеклассовых обществ (наиболее известными и значимыми произведениями на эту тему являются «Сказание о похищении скота» в индийском эпосе «Махабхарата» и молдавская баллада «Миорица»), столкновения коми с угро-самодийскими племенами (йогра-яран), нашествие монголо-татар, вхождение коми в состав Русского государства (Педор Кирон называется в песнях защитником Русской земли) и др.

В отличие от охотничье-оленоводческого эпоса коми, ми-

фология близкородственных им удмуртов носила, насколько можно судить по сохранившимся сведениям, ярко выраженный земледельческий характер: помимо верховного бога Инмара, главными фигурами в ней являлись бог плодородия Кылдысин, покровитель хлебных колосьев, и бог дождя Квазь, благоволение которого являлось необходимым условием получения богатого урожая. В удмуртских мифах подкупает отчетливая нравственная мотивация поведения богов: Кылдысин покидает людей, потому что они перестают вести себя добродетельно; Квазь прощает крестьянину обман, тронутый его человеколюбивой заботой о ближних, которой тот был продиктован.

В сохранившихся фрагментах венгерской мифологии обращает на себя внимание имя верховного бога (Иштен), отличное от общефинно-угорского. Среди дошедших до нас венгерских мифов преобладают этногонические и генеалогические сказания, призванные обосновать идею преемственности венгерского народа и государства по отношению к гуннам и империи Аттилы.

В большинстве хантыйских и мансийских мифов реализуются сюжеты, характерные для финно-угорской мифологии в целом, однако они очень красочны, густо насыщены глубоко оригинальными причудливыми фантастическими деталями. Своеобразны сюжеты хантыйских мифов, связанных с тотемистическим культом медведя, причем этот мотив получает в них амбивалентное выражение: с одной стороны,

медведь происходит от человека, с другой – женщина Мось (прародительница одноименной фратрии) является дочерью медведицы. Характерной чертой хантыйских и мансийских мифов являются отзвуки фетишистских воззрений, выражающиеся в том, что способностью превращения в животных в них наделен не сам герой, а шкура соответствующего животного, которую герой на себя надевает. В некоторых мифах, как и у волжских и пермских финнов, ощутимо влияние христианских представлений.

В угорских мифах представлен оригинальный вариант универсального образа мирового древа – дерево с сакральным домом на ветвях у венгров и хантов, тогда как у финнов это просто огромный дуб, который срубает карлик, превратившийся в великана.

Лучшие финно-угорские мифы и отразившие их произведения фольклора обладают огромной культурной и художественной значимостью и, безусловно, принадлежат к числу величайших сокровищ мировой словесности.

Карельские, ижорские и финские мифы

Калевала

Рождение Вяйнямёйнена

В бесконечных просторах Вселенной обитала любимая дочь воздуха – прекрасная Ильматар. Скучно ей стало жить одной в пустом пространстве, возжелало ее сердце любви. Спустилась Ильматар к морю, склонила свое прекрасное лицо над его прозрачной гладью. В этот миг налетел с востока сильный ветер, море помутилось, вздыбилось высокими, покрытыми седой гривой пены волнами. Волны подхватили Ильматар и закачали ее на своих хребтах, точно младенца в колыбели. От могучего ветра, от вечно шумящего моря понесла Ильматар плод в своем чреве. Целых семьсот лет ждала она рождения ребенка, но роды не наступали: кто не был зачат, не мог и родиться. В тяжких муках металась Ильматар, носимая волнами, и наконец взмолилась к верховному богу Укко:

– О великий Укко, отец наш небесный! Нет больше сил

моих терпеть эти муки, смилуйся, приди на помощь! Ах, зачем я, несчастная, не осталась в обители отца моего, в бесконечном пространстве неба!

Внял Укко отчаянной мольбе дочери воздуха: через мгновение Ильматар увидела в небе необыкновенной красоты утку; гордо подняв голову, величаво раскинув могучие крылья, она приближалась к Ильматар, ища место для гнездовья и не находя его среди нескончаемого морского простора. Подняла Ильматар из воды колена, и прекрасная птица с готовностью опустилась на него, приняв за выступающий из моря островок суши. Чудесная утка свила себе гнездо и снесла семь яиц – шесть золотых и одно железное. Два дня высидывала утка яйца, нагревая колена Ильматар; на третий день жар стал нестерпимым, и воздушная дева произвольно качнула коленом. Яйца упали в воду и разбились. Но содержимое их не погибло: в глубине моря оно чудесным образом преобразилось, и из нижней части яйца возникла мать сыра земля, а верхняя превратилась в небесный свод; желток стал светлым солнцем, а белок – ясным месяцем; из пестрой части яйца появились сверкающие звезды, а из темной – угрюмые тучи.

Прошло еще девять лет. Все это время Ильматар по-прежнему качалась на волнах, но теперь перед ее глазами уже не было прежнего унылого в своем однообразии воздушно-го пространства. Дочь воздуха могла любоваться восходами и закатами, движением созвездий и сменой фаз луны. На-

конец на десятый год Ильматар вдруг ощутила в себе прилив могучей творческой энергии. Повинуясь какому-то безотчетному стремлению, она подняла из воды голову и принялась заполнять окружавший ее мир. По одному мановению ее руки возникала линия берега с мысами, бухтами и прибрежными скалами; там, куда она становилась ногой, дно моря уходило далеко вглубь, и в образовавшемся пространстве тут же начинали весело суетиться беззаботные стайки рыб. Мир вокруг Ильматар преобразился, засверкал яркими красками, наполнился жизнью и разнообразием.

Между тем дитя Ильматар все еще не могло появиться на свет. Долгих тридцать лет вещей Вяйнямёйнен блуждал во чреве матери; наконец терпение его иссякло и воззвал он к месяцу, солнцу и звездам:

– Вы, великие небесные светила! Сколько же мне еще томиться в этом темном и тесном месте?! Дайте же мне наконец свободу, чтобы я мог вас увидеть!

Но далекие светила остались равнодушными к стенаниям Вяйнямёйнена. Тогда с отчаяния вещей певец ударил мизинцем левой ноги в материнское лоно и, сломав костяной замок, выполз наружу. Упал в море Вяйнямёйнен, и после восьми лет блуждания по волнам его вынесло на безлесный берег. Медленно, неуверенно поднялся Вяйнямёнен на ноги и, запрокинув голову, с ликованием увидел над собой месяц и звезды.

Первые труды Вяйнямёйнена

Оглядевшись по сторонам, Вяйнямёйнен принялся обу-
страиваться на новом месте. Перво-наперво надо было засе-
ять землю. Но кто поможет ему в этом новом, неведомом
ему деле? Одному Вяйнямёнену не справиться. Вещий ра-
зум подсказал ему мысль о Сампсе Пеллервойнене, трудо-
любивом сыне поляны. По всей стране Сампса умело и при-
лежно сеет разные полезные и красивые растения, сообраз-
но с особенностями местности: на скудной каменистой поч-
ве – неприхотливые сосны, на холмах – раскидистые ели,
на полянах – вереск, по берегам рек – дубы. Захотелось Вяй-
нямёйнену поглядеть на плоды труда Сампсы. И что же он
видит? Все посеянные им растения растут как на дрожжах,
один только дуб упрямо не желает идти в рост. Целую неде-
лю Вяйнямёйнен терпеливо дождался, когда из земли про-
клюнется росток дуба, да так и не дождался. Тогда из моря
вышли четыре девы, стали они косить луг на мысу, сгребать
сено в копны. После дев из морской пучины появился бога-
тырь Турсас. Он поджег сено и, когда оно превратилось в пе-
пел, положил в него лист и дубовый желудь. Поднялся из же-
лудя зеленый побег, который вскоре превратился в огром-
ный развесистый дуб; вершина его достигала неба, широкие
ветви мешали проходить облакам, а густая листва закрывала
солнце и луну. «Нехорошо это, – озадаченно задумался Вяй-

нямёйнен. – Что за жизнь без света солнца и сияния месяца? И людям тоска, и рыбе не найти в глубине дорогу. Вот бы срубить этот дуб! Да только кому ж это под силу?! Не найти окрест такого богатыря. Придется, видно, мне... Матушка родная, пошли мне силы сладить с проклятым деревом!»

Только произнес Вяйнямёйнен эти слова, как из моря вышел человек ростом с палец. С головы до ног он был одет во все медное: медная шапка, медные сапоги, медные рукавицы, на медном поясе висел топор, тоже медный. «Что за чудо? – подивился Вяйнямёйнен. – По сложению богатырь, а ростом малютка». С сомнением обратился он к пришельцу:

– Да точно ли тебе по плечу такое дело? В тебе ведь силы что в мертвом!

– Не по виду суди, а по делам, – гордо отвечал малютка. – Я и есть тот богатырь, который тебе нужен.

– Ну, это вряд ли, – улыбнулся Вяйнямёйнен, которого несколько не убедил уверенный тон человека. Но тут улыбка застыла на его устах.

Прямо на глазах малютка стал увеличиваться в размерах. Он рос, рос, пока не превратился в великана, головой касавшегося туч. Наточив топор, великан не торопясь, вразвалку подошел к дубу и ударил топором в его основание. С лезвия топора посыпались искры, а из трещины в коре стали вырываться языки пламени. Великан нанес еще удар, затем еще один. После третьего удара исполинский дуб затрещал так,

что задрожала земля, и повалился на землю. Великан очистил ствол от верхушек и веток и положил его верхней частью к восток, а вокруг разбросал к западу верхушки, к югу и северу листья и ветки.

– Кто поднимет ветку этого дерева, обретет счастье, – наставительно изрек удивительный дровосек, – кто возьмет себе верхушку, станет мудрым и сможет творить разные чудеса, ну а если кто срежет листья, в его сердце поселится любовь.

После того как великан завершил свою работу, вся поверхность моря возле берега была усеяна щепками и обломками дуба. Гонимые ветром волны отнесли их далеко на север, в страну Похьёла. Там девушка, стиравшая белье на берегу, подобрала одну из щепок и отнесла домой, где ее отец сделал из нее лук и стрелы, обладавшие волшебной силой.

Как только дуб был срублен, снова ярко засияло солнце, разогнав туман, окутавший окрестности, всюду поднялись шумящие густой листвой леса и рощи, наполнились пением птиц и россыпями цветов и ягод. Только хлеб пока не рос на земле.

Озабоченный этим обстоятельством, Вяйнямёйнен в тягостных раздумьях прохаживался вдоль берега, как вдруг увидел на отмели семь зерен. Подобрал их, Вяйнямёйнен пошел на поляну Осмо, расположенную на берегу речки Калевалы, чтобы засеять землю. Но синица своим пением предупредила его, что ни ячмень ни овес не взойдут, пока не бу-

дет расчищено от леса поле. Вооружился Вяйнямёйнен топором и принялся рубить лес. Только березу оставил он нетронутой, чтобы было где отдыхать птицам. Прилетел орел и, узнав об этом предусмотрительном поступке Вяйнямёйнена, похвалил его за заботу о птицах. В награду орел высек своим клювом огонь, который выжег рощи и леса по всей округе. Теперь было где сеять хлеб, теперь обитателям Калевалы можно было не бояться голодной смерти. Посеял Вяйнямёйнен найденные им зерна и обратился к богу Укко с просьбой о дожде. Со всех сторон света наплзли сизые тучи, и хлынул дождь. Высоко поднялись колосья, золотым морем зашумели они от края до края поля. Радовался старый Вяйнямёйнен, глядя на это изобилие и слушая песню кукушки, куко-вавшей на оставленной им нетронутой березе.

Вяйнямёйнен обретает мудрость

Безмятежно текла жизнь Вяйнямёйнена в стране Калевала. Проводя дни в мирном труде на земле, он пел песни. Вяйнямёйнен и сам не смог бы сказать, откуда к нему пришел этот чудесный дар, только песни так и лились из него помимо его воли. Вся мудрость мира была заключена в песнях Вяйнямёйнена: о делах седой старины, о сути и происхождении вещей поведали они людям. Теперь это знание уже давно утрачено. Далеко разнеслась слава о великом песнопевце, достигла она даже далекой северной Похьёлы.

Жил в Похъёле молодой лапландец по имени Ёукахайнен, любивший слагать песни. Услышал он, с каким восхищением отзываются люди о певце из далекой Калевалы, и проникся завистью к Вяйнямёйнену. У него сразу возникло желание померяться силами с соперником. Он покажет этому заносчивому южанину, кто величайший на свете певец! Напрасно отговаривала мать Ёукахайнена от поездки в Калевалу: «Околдуют тебя там, погубят», – говорила она ему. Ничего не желал слушать самоуверенный юнец; запряг он лихого коня в золотые сани, щелкнул кнутом с жемчужной ручкой и что было мочи поскакал в Калевалу.

На узкой лесной дороге ему повстречался старик с длинной седой бородой. Не пожелал гордый Ёукахайнен уступить дорогу старцу, столкнулись сани, сцепившись оглоблями, затрещали ломающиеся хомуты.

– Кто ты такой, что несешься как безумный? – строго спросил Вяйнямёйнен (стариком, которого повстречал Ёукахайнен, был не кто иной, как он). – Ты зачем сломал мои сани?

Дерзко взглянул на Вяйнямёйнена лапландец.

– Я молодой Ёукахайнен из Похъёлы, – важно сказал он. – А ты-то сам что за птица?

Назвал себя Вяйнямёйнен и степенно, сдерживая гнев, который возбудил в нем высокомерный тон лапландца, добавил:

– Посторонись-ка, юноша, уступи старшему дорогу.

– Не в годах достоинство человека, а в мудрости, – отвечал Ёукахайнен. – Так ты и есть знаменитый Вяйнямёйнен? Тем лучше: ты-то мне и нужен. Испытаем же наше искусство; чья песня окажется лучше, тот и займет дорогу.

– Что ж, будь по-твоему, – согласился Вяйнямёйнен. – Поделись со мною своей мудростью. Я ведь человек темный, кроме этого леса ничего в жизни не видел.

Рассказал ему Ёукахайнен, как устроен дом, где обитают рыбы, где лучшие леса и самые высокие водопады, в каких краях пашут на оленях, а где для этой цели используют лошадей и быков.

– И это вся твоя мудрость? – презрительно сказал Вяйнямёйнен. – Это истины простые; ты вскрой суть вещей, объясни их происхождение, вот тогда я скажу, что ты действительно мудр.

Снова заговорил Ёукахайнен, но опять все, что он мог рассказать, были общеизвестные, обыденные истины. Чувствуя, что мудрости в его словах и впрямь немного, лапландец под конец заявил, что это он сотворил землю, небесный свод со светилами и морские глубины. Когда же Вяйнямёйнен уличил его во лжи, обозленный Ёукахайнен предложил ему решить спор поединком на мечах.

– О такого негодного человека и меч марать противно, – с презрением бросил Вяйнямёйнен. – Не буду я с тобой биться.

– Ну так я превращу тебя в свинью и упрячу в хлев, –

злобно прошипел Ёукахайнен. – Там тебе самое место.

В страшный гнев пришел Вяйнямёйнен от такого неслыханного оскорбления. Он запел. При первых же звуках его песни забурили озера, задрожали горы, покатались вниз камни с треснувших скал и утесов: так велика была сила искусства седовласого певца. Сани Ёукахайнена обвилась цветущими зелеными ветками, кнут превратился в стебель камыша, его белолобый конь обернулся скалой у водопада. Схватился было лапландец за свой золотой меч, но тот выскользнул у него из рук и, взмыв ввысь, сверкнул молнией на небе; потянулся Ёукахайнен к раскрашенному луку, но лук встал радугой над морем, а стрелы из его колчана превратились в стаю ястребов и улетели прочь. А Вяйнямёйнен все пел, и вот уже шапка и куртка хвастуна висят в небе облаками, пояс протянулся созвездием, а сам Ёукахайнен постепенно уходит под землю, в болотистую трясиину, вот он погрузился уже по плечи; лапландец отчаянно хочет высвободиться, но руки и ноги намертво вросли в камень. Смертельный ужас охватил Ёукахайнена, стал молить он Вяйнямёйнена о пощаде.

– А какой ты дашь выкуп? – поинтересовался старый чародей, прервав могучее пение.

Ёукахайнен поочередно предложил ему два лука, две лодки, двух коней, золото, серебро, хлеб и поля, но Вяйнямёйнен отверг все, заявив, что такого добра у него самого в изобилии. Снова и снова заводил свою песню седой кудес-

ник, все глубже и глубже погружался дерзкий юнец в трясину.

– Я отдам тебе в жены свою сестру Айно, – с трудом проговорил Ёукахайнен, у которого рот был уже забит мхом и землей. – Будет кому вести твое хозяйство: мести дом, стирать одежду, печь медовые лепешки.

Радостью наполнилось сердце старого Вяйнямёйнена. Сев на камень, он трижды пропел заклинание, и все стало как было; Ёукахайнен вылез из болота. Не говоря ни слова, он уселся в сани и поспешил восвояси, подальше от этого страшного своей волшебной силой старика.

Сватовство Вяйнямёйнена

В самом мрачном расположении духа возвращался Ёукахайнен домой. На бешеной скорости ворвался во двор, с такой силой ударившись об овин, что сани сломались. Родители в печальном недоумении взирали на душевное состояние сына. Вбежав в избу, рухнул Ёукахайнен на лавку, закрыл лицо руками и горько заплакал. С большим трудом попыталась мать, что так сильно расстроило ее мальчика, а уразумев, в чем дело, радостно захлопала в ладоши.

– Что ты плачешь, глупенький, ведь это прекрасно! О таком зяте можно только мечтать. Это же сам знаменитый Вяйнямёйнен!

Услышала эти слова в своей комнате Айно и залилась сле-

зами: очень уж ей не хотелось выходить замуж за старика.

Как-то Айно пошла в лес нарезать веток для веников. Когда она возвращалась домой, из чащи ей навстречу вдруг вышел высокий статный старик с длинной седой бородой и пронзительным, сверкающим взглядом. Сердце Айно екнуло: она сразу поняла, что это и есть ее немилый нареченный.

– Для кого ты надела это нарядное платье, Айно? – ласково заговорил с ней Вяйнямёйнен. – Для кого украсила себя этим жемчужным ожерельем, так красиво заплела косы? Не наряжайся для другого, Айно, подари мне свою красоту. Ялюбил тебя, едва впервые услышал о тебе.

– Ни для кого я себя не украшаю, славный Вяйнямёйнен, – еле слышно ответила смущенная девушка. – Я девушка простая, милее всего мне родительский дом. Не мучь меня, ни от кого мне ничего не нужно, только оставьте все меня в покое!

В сердцах Айно сорвала ожерелье, швырнула его в траву и в слезах убежала домой. Напрасно родные утешали девушку, рассказывая ей о том, какие радости ожидают ее в семейной жизни, суля богатые подарки: Айно была безутешна. На рассвете, когда все в доме еще спали, она тихо вышла из дома и, со слезами оглянувшись в последний раз на родное гнездо, углубилась в лесную чащу. Три дня Айно брела не разбирая дороги, пока не вышла на берег моря. Села девушка на камень и горько плакала до самого утра. А в первых лучах рассвета увидела трех прекрасных дев, легко сколь-

живших по волнам. «Вот бы и мне так», – мелькнуло в ее затуманенном страданием и усталостью сознании. Медленно, словно во сне, Айно поднялась с камня, сбросила одежду и вошла в воду. Впереди блестел одинокий утес. Вот бы доплыть до него и наконец отдохнуть, сбросить эту мучительную усталость, эту нестерпимую душевную боль... Все ближе и ближе каменная макушка утеса, вот уже Айно может дотянуться до него рукой... Но едва девушка схватилась за отполированную волнами поверхность камня, как скала опустилась под воду, увлекая за собой несчастную обессиленную Айно. «Матушка... батюшка... братик милый», – успела она шепнуть, прежде чем воды сомкнулись над ней.

Печальная весть о трагической гибели Айно дошла и до Вяйнямёйнена. Дни и ночи напролет оплакивал старец свою несостоявшуюся любовь. Немного успокоившись, Вяйнямёйнен отправился на берег моря и стал звать бога сна Унтамо:

– Спящий Унтамо, где мне найти дев Велламо, дочерей морского бога Ахто?

– На острове, скрытом туманом, – подобно дуновению ветра, прошелестел сквозь сон Унтамо, – в глуби вод, под полосатой скалой найдешь ты дев Велламо.

Взял Вяйнямёйнен рыболовные снасти, сел в лодку и поплыл к туманному острову. Закинул вещей старец удочку и на рассвете выловил семгу. С удивлением разглядывал Вяйнямёйнен диковинную добычу: не приходилось ему

прежде видеть такую рыбу, ведь в этих местах водились лишь сиги да щуки. Достал нож Вяйнямёйнен, чтобы разделить рыбу, как вдруг она затрепетала, забилась в его руках и, выскользнув, упала в воду. Подняла рыба голову из воды, печально поглядела на Вяйнямёйнена и произнесла человеческим голосом:

– Не затем я, старый Вяйнямёйнен, поселилась в море, чтобы ты приготовил меня на завтрак. Я не семга, а твоя невеста, Айно. Ты желал меня всю жизнь, а вот поймать не сумел. Бедный, неумелый старик!

– Вернись ко мне, Айно! – с мольбой воскликнул Вяйнямёйнен.

Нечего не ответила чудесная рыба, молча скрылась в глубине моря. Озадаченный Вяйнямёйнен немного подумал, потом закинул сеть и потащил ее от одного берега к другому. Много разной рыбы поймал седовласый рыболов, но не было среди нее той единственной, обладать которой он жаждал всем сердцем, – светлой девы Велламо, его прекрасной Айно.

Жестоко клял себя Вяйнямёйнен по пути домой. Он сам погубил свое счастье, не будет теперь у него утешения в старости. Стенания Вяйнямёйнена пробудили его мать, воздушную деву Ильматар. Из могилы она обратилась к нему и посоветовала сыну искать невесту в северной стране Похьёла.

Месть Ёукахайнена

Вяйнямёйнен отправился в далекий путь. Не знал он, что на дороге его подстерегает пылающий жаждой мести Ёукахайнен. Сильнее прежнего ненавидел седого певца юный лапландец: ведь к позору поражения теперь добавилась скорбь по сестре, в гибели которой Ёукахайнен винил Вяйнямёйнена. Лелея мечту о мести, Ёукаханен изготовил новый прекрасный лук из железа, меди, золота и серебра и стрелы, которые пропитал змеиным ядом; сам злой дух Хийси дал ему воловьши жилы для тетивы. Мать Ёукахайнена заметила приготовления сына, и после расспросов тот неохотно признался ей в своих замыслах. Стала мать отговаривать Ёукахайнена:

– Не убивай Вяйнямёйнена, сынок, ведь если умолкнет его песня, из мира исчезнет радость.

Заколебался Ёукахайнен, он почувствовал, что какая-то часть его души противится его намерению. Но вспомнив о сестре, он твердо решил, что Вяйнямёйнену не быть в числе живых.

Целую неделю поджидал Ёукахайнен свою жертву у берега моря. Наконец он увидел вдалеке знакомую фигуру с развевающейся на ветру седой бородой, верхом на коне, и злобная радость переполнила его сердце. Натянув лук, он торопливо прошептал заклинание и выпустил стрелу, за ней другую; лишь третьей стрелой Ёукахайнен смог поразить коня

Вяйнямёйнена. Свалился седой певец в воду, и волны понесли его в открытое море. Ёукахайнен издал торжествующий крик: наконец-то он одолел своего заклятого врага! Мать же Ёукахайнена осудила поступок сына.

Вяйнямёйнен в гостях у хозяйки Похьёлы

Восемь дней Вяйнямёйнена носило по морю, словно отломанную ветку. На девятый день старец совсем пал духом и отчаялся. Вдруг он увидел орла, летевшего со стороны Лапландии. Подлетел орел к Вяйнямёйнену и спрашивает, что он делает на волнах. Поведал ему Вяйнямёйнен о приключившемся с ним несчастье.

– Не печалься, – отвечал орел. – Садись ко мне на спину, я отнесу тебя куда захочешь. Ведь и ты сделал для меня добро: мне тоже приходилось отдыхать на березе, которую ты оставил для нас, птиц.

Отнес орел Вяйнямёйнена в суровую страну Похьёлу и оставил в прибрежном ивняке. Заплакал старец: как ему найти дорогу из этого дикого чужого края? Три дня и три ночи плакал Вяйнямёйнен; наконец его плач услышала служанка хозяйки Похьёлы и рассказала своей госпоже. Села хозяйка Похьёлы в лодку, поплыла на звук плача и, найдя Вяйнямёйнена, привезла его к себе домой. Целую неделю старуха Лоухи выхаживала обессиленного гостя; когда же Вяй-

нямёйнен полностью поправился, приступила к нему с расспросами. Узнав, что Вяйнямёйнен жаждет вернуться домой, Лоухи принялась уговаривать его остаться в Похьёле:

– Хорошая будет у тебя здесь жизнь: каждый день будешь есть и семгу и свинину, все, что ни пожелаешь.

– На родине и черный хлеб вкуснее, чем мед в драгоценном сосуде – на чужбине, – отвечал Вяйнямёйнен.

Поняв, что ее уговоры бесполезны, хозяйка Похьёлы сказала:

– Хорошо, я помогу тебе вернуться домой, только не бесплатно. Ни золота, ни серебра мне не нужно. А скуй мне Сампо, чудесную мельницу с пестрой крышкой. Тогда я не только отвезу тебя на родину, но и дам свою дочь тебе в жены.

– Не смогу я сковать Сампо, – отвечал Вяйнямёйнен. – Но, когда вернусь домой, я пришлю к тебе Ильмаринена. Он кузнец какого еще не бывало, настоящий мастер своего дела. Вот он точно сможет выковать для тебя Сампо.

– Смотри же: дочь я отдам лишь тому, кто скует мне Сампо.

Запрягла хозяйка Похьёлы гнедого коня в сани, посадила в них Вяйнямёйнена и простилась с гостем, предупредив напоследок, чтобы до наступления вечера он ни в коем случае не глядел на небо.

Второе сватовство Вяйнямёйнена

Совсем недалеко отъехал Вяйнямёйнен от дома хозяйки Похъёлы, как услышал над головой странный звук, напоминавший жужжание челнока ткацкого стана. Забыв предупреждение Лоухи, он непроизвольно поднял голову и увидел сидевшую на радуге прекрасную девушку в белоснежном платье, которая ткала золотую одежду.

– Милая дева, садись в мои сани, – ласково сказал он девушке.

– Зачем же мне садиться в твои санки? – звучным мелодичным голосом спросила чудесная незнакомка.

– А затем, чтобы жить в моем доме, печь хлебы с медом, петь песни сидя у окошка. Будь моей женой, прекрасное создание, ты мне сразу полюбилась.

– Девушка в родительском доме точно ягодка в поле, а жена при муже как собака на цепи, – возразила дева.

Вяйнямёйнен продолжал упрашивать; наконец девушка согласилась, но захотела сперва испытать жениха. Сначала она потребовала, чтобы Вяйнямёйнен разрезал волос ножом без острия и завязал яйцо в узел таким образом, чтобы узел не был виден. Вяйнямёйнен легко справился с этим заданием. Тогда девушка захотела, чтобы он выточил изо льда жердинки, да так, чтобы с него не слетела даже пылинка. И это дело не вызвало затруднения у мудрого старца. Напо-

следок прекрасная пряха пожелала получить лодку, сделанную из обломков ее веретенца. Три дня не переставая работал Вяйнямёйнен, но не желал злой дух Хийси, чтобы вещий певец получил в жены прекрасную деву. Ударил он по топору Вяйнямёйнена так, что тот вылетел из рук старца, врезался в скалу и, отскочив от нее, вонзился Вяйнямёйнену в колено. Ручьем полилась кровь. Стал Вяйнямёйнен вспоминать заклинание для унятия крови, да не смог этого сделать. Пришлось ему отправиться на поиски человека, умеющего останавливать кровь. В две двери без толку стучал Вяйнямёйнен, лишь в третьем доме нашел он старика, который знал нужное заклинание. Когда Вяйнямёйнен рассказал старику о происхождении железа, тот заговорил нанесенную этим железом рану, и кровь перестала течь. Поблагодарил Вяйнямёйнен старика и продолжил свой путь.

Сотворение Сампо

На третий день Вяйнямёйнен подъехал к речной переправе на границе Калевалы. Там, на другом берегу, уже родная земля... Радостью зацвела душа вещего старца; от переполнявших его чувств он запел. Сила его песни вырастила золотую елку высотой до неба, на вершине которой сиял светлый месяц, а на ветках повисло созвездие Большой Медведицы. Вдруг Вяйнямёйнен умолк и помрачнел. Он вспомнил, что его возвращение оплачено свободой другого: великий

мастер, вековечный кователь Ильмаринен должен стать заложником за него в далекой неприветливой Похьёле. Вышел из расписных саней Вяйнямёйнен, пошел прямо в кузницу Ильмаринена, из которой доносились громкие удары молота. Радужно приветствовал старца искусный мастер, стал расспрашивать о причине его долгого отсутствия. Рассказал ему Вяйнямёйнен о своей поездке, затем скрепя сердце поведal и об обещании, которое он дал Лоухи. Наотрез отказался Ильмаринен променять свою кузницу на жилища туманной Похьёлы. Тогда Вяйнямёйнен предложил ему пойти посмотреть на золотую ель. Залюбовался Ильмаринен чудесным созданием.

– Полезай наверх, достань месяц и звезды, – предложил Вяйнямёйнен, – они твои.

Не смог Ильмаринен противиться искушению, полез на елку.

– Ну и простодушный же ты: пустой призрак принимаешь за месяц и созвездие, – молвило ему чудесное дерево.

В этот миг во весь голос запел Вяйнямёйнен: призывает он ветер, велит ему нести Ильмаринена в Похьёлу. И действительно, неведомо откуда налетела буря, закрутился бешеный вихрь; он подхватил Ильмаринена и понес его воздушной дорогой, между луной и месяцем, прямо во двор хозяйки Похьёлы. Как дорогого гостя приняла Ильмаринена старая, беззубая Лоухи, накрыла богатый стол, велела дочери надеть лучшие одежды и украшения. Согласился наконец

Ильмаринен искомать Сампо для хозяйки Похьёлы.

Приступая к работе, Ильмаринен обнаружил, что в Похьёле не знакомы с кузнечным ремеслом и здесь нельзя найти необходимых инструментов. Но разве это обстоятельство могло остановить такого великого мастера? Нашел Ильмаринен подходящий утес, на его вершине поставил он кузницу, сам изготовил и мехи и наковальню. Всем необходимым для работы снабдила его хозяйка Похьёлы: рудой, чтобы бросить в горнило, рабами, прилежно раздувавшими мехи. Три дня и три ночи не отходил Ильмаринен от наковальни, каменными мозолями покрылись его ладони и пятки, а все не получалось у него искомать Сампо. То выйдет лук, жаждущий сеять смерть, то лодка, сама собой рвущаяся в сражение, то коро-ва, изливающая свое молоко на землю, то явится со дна горни-ла соха, имеющая свойство запахивать чужие поля. Ничто из выходявшего из-под его молота не удовлетворяло Иль-маринена, каждое новое свое произведение он безжалостно бросал в огонь, из которого оно вышло, и лишь неистовое стучал своим молотом по наковальне; ветры со всех четырех сторон света раздували ему мехи. Лишь на третий день, на-гнувшись в очередной раз над горнилом, Ильмаринен увидел на его дне пеструю крышку Сампо. С удвоенной энергией за-стучал кузнец молотом, и вот уже вертится пестрая крышка Сампо, одним боком мелет муку, другим боком – соль, тре-тьим – деньги, несет людям достаток и процветание. Не зна-ет устали чудесная мельница, теперь хлеба хватит и для себя,

и на продажу, и попить на славу.

Рада была хозяйка Похъёлы; в медной горе, за девятью замками, на глубине девяти сажен спрятала она от посторонних глаз свое Сампо, свое великое сокровище.

– Вот, хозяйка, я дал тебе то, что ты просила, – кротко сказал Лоухи Ильмаринен. – Отдашь ли ты мне теперь девицу?

Прежде чем старуха успела ответить, в разговор вмешалась сама девушка. Нет, не променяет она родительский дом на жизнь в чужой стороне, дороги ей ее девичьи труды и забавы; кто же будет кликать летом кукушку, собирать бруснику и вишню, петь на берегу песни, если ее не будет? Отказала прекрасная дева Ильмаринену.

Печально опустил кузнец голову. Теперь ему не остается ничего другого, как возвратиться домой. Накормила, напоила хозяйка Похъёлы Ильмаринена перед дальней дорогой, посадила в медную ладью и велела северному ветру всю дорогу надувать его парус.

Лемминкяйнен находит жену

Ахти Лемминкяйнен жил со своей матерью на острове. Ловил рыбу, тем они и кормились. Красивым, сильным парнем вырос Ахти, но был у него и один недостаток: очень уж влекло его к женщинам. Если в какой-то из окрестных деревень праздник, можно не сомневаться – Ахти тут как тут,

глядит откуда-нибудь из-за кустов на танцующих нарядных женщин горящими глазами. Прослышал он, что есть на Саари девушка, прекрасная как цветок, но непомерно гордая. Сватались к ней и Солнце, и Месяц, и сын Полярной Звезды, из чужих краев – Эстонии, Ингрии – приходили сваты, наслышанные о ее красоте, но всем им отказала капризная Кюллики. До смерти захотелось Лемминкяйнену жениться на дивной красавице. Напрасно отговаривала его мать, убеждая Ахти, что знатный род Саари не выдаст девушку за бедного рыбака.

– Пусть род мой и не знатен, – гордо отвечал ей Лемминкяйнен, – зато уж статью, удалю и силой я любого заткну за пояс.

– Засмеют тебя девицы Саари, – предостерегала его мать.

– Наделаю им детей, так живо умолкнут! – засмеялся Ахти.

Мать Лемминкяйнена только руками всплеснула.

– Горе мне, несчастной! Да если ты обидишь женщин из рода Саари, мстить тебе выйдет целая сотня: род этот очень силен и многочислен.

Не послушал мать Лемминкяйнен, сел на лошадь и отправился в деревню, где жил род Саари. В воротах усадьбы Ахти столкнулся с санями и чуть было не оказался на земле. Но досадней всего было ему услышать смех девушек, видевших, как неловко, накренившись набок, въезжал он во двор их богатого дома. Не подал виду Лемминкяйнен, что задет таким отношением, и молодецки повел речь с девушками

Саари:

– А что, есть у вас поляны, где можно поплясать с девушками?

– А вот поступи к нам пастушонком, – был насмешливый ответ, – тогда вдоволь сможешь развлекаться с девушками на полянах.

Не раздумывая, Лемминкяйнен принял это предложение. Скоро в деревне не осталось ни одной девушки, которую бы он не обесчестил. За исключением одной – прекрасная Кюлликки-цветочек по-прежнему оставалась для него недоступной. Но не таков был веселый Лемминкяйнен, чтобы отступить перед трудностями; он продолжал настойчиво свататься. Наконец девушка не выдержала и сказала ему:

– Что ты попусту тратишь время? Не пойду я за тебя: я хочу мужа себе под стать, стройного и красивого, как я сама. Не пара ты мне, пойми же наконец.

Ничего не сказал ей Ахти, только затаил в сердце жгучую обиду.

Прошло полмесяца. В деревне был праздник. Девушки весело плясали на лесной поляне. Кюлликки затмевала их всех. Вдруг прямо в середину хоровода на коне въехал Лемминкяйнен; схватив Кюлликки, он бросил ее в сани и быстро поскакал прочь, на прощание прогрозив девушкам, что если он расскажут о его поступке, он заклятием истребит всех мужчин в деревне.

Напрасно Кюлликки плакала и умоляла своего похитите-

ля отпустить ее; Лемминкяйнен лишь ласково убеждал девушку, что ей с ним будет хорошо: добра у него вдоволь, храбрости и силы ему не занимать, а это куда ценнее, чем знатность рода. В конце концов Кюллиikki смирилась со своей судьбой, об одном лишь просила она Ахти – вести мирную жизнь, не ходить на войну, не затевать ссор.

– Что ж, согласен, – отвечал Лемминкяйнен, – но и ты пообещай, что забудешь про пляски и гулянки. Не к лицу они замужней женщине.

Обменялись молодые люди клятвами, призвав в свидетели великого бога Укко, и стала Кюллиikki невестой Ахти. Правда, ее немного смутил скромный вид дома Лемминкяйнена, но Ахти обещал вскоре построить новый, более просторный и крепкий. Мать Лемминкяйнена не могла нарадоваться на прелестную невестку.

Кюллиikki нарушает клятву

Счастливо жили Лемминкяйнен и Кюллиikki на своем уединенном острове. Ахти ловил рыбу, его молодая жена занималась хозяйством, забыв и думать о прежних развлечениях. Однажды Лемминкяйнен, как обычно, рано утром ушел на промысел; но наступил вечер, а его все нет. Скучно стало Кюллиikki одной дома, и пошла она в деревню, где плясала с девушками до поздней ночи.

Страшно разгневался Лемминкяйнен, узнав от сестры

Айникки о поступке жены. Велел он матери выстирать его рубашку в змеином яде, чтобы идти в ней в Похьёлу сражаться с сынами Лапландии.

– Не ходи, сынок, – отговаривала его мать. – Видела я недобрый сон: ворвалось к нам в дом пламя, от пола до потолка объяло все жилище.

– Женским снам я теперь верю не больше, чем женским клятвам, – мрачно сказал Лемминкяйнен. – Просит душа моя битвы; не успокоюсь, пока не отведаю мед сраженья.

– пей лучше пиво из бочки: у нас его припасено много, – сделала мать еще одну попытку остановить Ахти.

– Слаще в походе пить воду с весла.

Тогда мать рассказала, что вчера раб, пахавший землю, нашел на поле в змеином гнезде клад монет. На это Лемминкяйнен ответил, что военная добыча влечет его куда больше; он признался, что хочет добыть в Похьёле жену.

– Да ведь у тебя уже есть жена! – удивилась мать.

– Пусть Кюлликки остается в своей деревне и веселится там в свое удовольствие, – сурово отрезал Ахти. – Мне она больше не жена.

Поняла мать, что не удастся ей заставить Лемминкяйнена отказаться от своей опасной затеи, и стала просить его хотя бы оградить себя волшебными чарами от колдовства лапландцев. На это Ахти отвечал, что он и сам чародей сильнее похьёльцев. Расчесав волосы, Лемминкяйнен бросил щетку к печке и сказал:

– Если из этой щетки польется кровь, значит, я убит.

Снарядился Лемминкяйнен в дорогу, с удовлетворением оглядел свой железный панцирь:

– Добрый доспех посильней любого колдовства.

Призвал Ахти себе на помощь богов и героев прошедших времен, запряг златогривого жеребенка в сани и в три дня доскакал до Похьёлы. Въехав в деревню, стал он стучать в двери домов, ища кого-нибудь, кто помог бы ему снять с лошади хомут. Дважды получив отказ, Лемминкяйнен, прежде чем войти в третью избу, призвал духа Хийси и попросил сделать его незаметным, после чего появившийся из тумана человек наконец развязал ему гужи на оглоблях. Заглянув с улицы в дом, Лемминкяйнен обнаружил, что он весь полон чародеев. Пройдя сквозь стену внутрь, он принялся внимательно слушать, желая набраться волшебной мудрости. Однако хозяйка Похьёлы сразу почувствовала присутствие в доме постороннего и потребовала его представиться. Тогда Лемминкяйнен начал петь заклинательные песни, и заклятия его были так сильны, что он заклинал всех находившихся в доме чародеев, разметал их по разным местам. Только старого слепого пастуха из жалости пощадил Лемминкяйнен и не навел на него заклятие, но тот вовсе не был ему за это благодарен. Страшно обиделся злобный старец за презрительные слова, которые сказал ему Лемминкяйнен, и на священной реке Туонеле устроил на удальца засаду.

Лемминкяйнен ловит лося Хийси

Разделавшись с колдунами, Лемминкяйнен тут же посватался к дочери хозяйки Похъёлы.

– Если ты хочешь быть мужем моей дочери, поймай сперва лося Хийси. Так ты докажешь, что ты дельный человек, достойный быть моим зятем, а не пустой искатель приключений, – ответила ему старая Лоухи.

Приготовил Лемминкяйнен дротик, лук со стрелами, мастер Люлиikki изготовил ему лыжи, предупредив, однако, Ахти, что попытка поймать лося, принадлежащего злему Хийси, обречена на неудачу.

– Нет на свете такой твари, которая могла бы ускользнуть от Лемминкяйнена, – хвастливо заявил удалец.

Услышал эти слова слуга Хийси Ютас и сотворил лося из разных растений: голову сделал из гнилого пня, рога – из веток ивы, ноги – из тростника.

– Пусть теперь побегает Лемминкяйнен, – посмеивался Хийси.

Оказавшись на воле, лось Хийси сразу показал, что является созданием злого духа, учинив настоящий разгром в деревне. Встал на лыжи Лемминкяйнен и пустился вдогонку за волшебным зверем. Перед глазами отважного охотника мелькали болота, поляны, лесные дебри, до самого жилища бога смерти Калмы преследовал Лемминкяйнен лося,

но так и не смог настичь его. Лишь в одном уголке на дальней окраине Похъёлы не побывал еще Лемминкяйнен; когда же он заглянул и туда, то по следам бесчинств, учиненных лосем, сумел наконец схватить диковинного зверя. Вяжет Лемминкяйнен лося березовыми ветвями, отчаянно вырывается из его рук буйное животное. Наконец лось порвал путы и скрылся в полях. Снова бросился в погоню Лемминкяйнен, но его лыжа застряла в яме, и надежда настичь желанную добычу окончательно угасла. Горько раскаялся Лемминкяйнен в своем упрямстве и самонадеянности и зарекся когда-либо снова пытаться поймать лося Хийси.

Гибель Лемминкяйнена

Однако, по здравом размышлении, Лемминкяйнен пришел к выводу, что вернуться с пустыми руками он успеет всегда; прежде нужно приложить все силы к тому, что все-таки достичь желаемого. Воззвал Лемминкяйнен о помощи к богам – небесному отцу Укко, лесным божествам Нюрикки, Миэликки и Тапио, просит их послать ему удачу. Снова пустился Лемминкяйнен на поиски лося; на третий день он набрел на золотое жилище лесного царя Тапио, озарявшее своим сиянием окрестности. Подошел Лемминкяйнен к окну, где в будничных одеждах сидели подательницы даров, матери злаков – жена Тапио Мимеркки, хозяйка леса, и их дочери, лесные девы; сладкими речами, тонкой лестью

склонил к себе Ахти сердца обитательниц золотого дворца, выгнали девы лося из чаши прямо в руки к удачливому охотнику. Накинул Лемминкяйнен на шею лося аркан, поблагодарил любезных хозяек леса и, веселый, отправился к хозяйке Похьёлы.

Но там его ждало новое поручение. Теперь Лоухи потребовала, чтобы он увел у Хийси и его коня. После трех дней бесплодных поисков Лемминкяйнен поднялся на высокий холм, оглядел окрестности и наконец увидел на опушке ельника коня с огненной гривой. По просьбе Лемминкяйнена бог Укко обрушил на жеребенка Хийси железный град, после чего тот присмирел и покорно склонил голову пол серебряную уздечку, которую надел на него Лемминкяйнен.

Но и после этой победы старая ведьма не оставила Лемминкяйнена в покое. Чтобы получить в жены ее дочку, он должен был застрелить лебедя, жившего на священной реке Туонеле, причем сделать это с одного выстрела.

Поспешил Лемминкяйнен с луком за плечами к берегу Туонелы, где его уже давно поджидал оскорбленный им слепой пастух. Несмотря на свою слепоту, увидел он Лемминкяйнена и, выхватив из воды змею, вонзил ее удалому охотнику прямо в сердце. Потемнело у Лемминкяйнена в глазах, и он упал замертво; последней его мыслью было сожаление, что не догадался он узнать от матери заклинание против змеиного укуса. Сбросил пастух тело Лемминкяйнена в реку, и воды Туонелы понесли его вниз по течению. Кровавый дух

Тоунелы разрубил тело Лемминкяйнена мечом и бросил его в черные глубины этой подземной реки.

Мать возвращает Лемминкяйнена к жизни

Между тем дома мать и Кюллики тревожились за судьбу Лемминкяйнена. Однажды утром Кюллики увидела, как из оставленной мужем щетки сочится кровь. Поняли женщины, что с Ахти стряслась беда. Со всех ног пустилась мать Лемминкяйнена в Похьёлу, спрашивает у Лоухи о судьбе сына.

– Да откуда мне знать, где твой сын? – ответила лукавая хозяйка Похьёлы. – Может, он утонул или попался в лапы к медведю или в пасть к волку.

– Ты лжешь, старая ведьма! – возмутилась мать Лемминкяйнена. – Ни одному медведю или волку не одолеть Ахти. Говори, где мой сын, или я разнесу в щепки твое проклятое Сампо с тобой заодно!

Лишь с третьего раза Лоухи рассказала обезумевшей от горя женщине, какие поручения она дала Лемминкяйнену. Повсюду искала несчастная мать своего Ахти, у кого она только не спрашивала о нем – у дуба, у дороги, у месяца, но лишь солнце смогло ей поведать, какая судьба постигла ее сына. Зарыдала мать Лемминкяйнена, бросилась к кузнецу Ильмаринену, молит его сделать ей исполинские железные

грабли с медной ручкой. Исполнил мастер ее просьбу; с этими граблями побежала женщина к роковой для ее сына реке, просит солнце посветить посильнее, чтобы хоть ненадолго ослабить власть темного царства Туонелы. Сделало солнце, как она просила, опустила женщина грабли в воду, шарит ими в темной глубине. Вот вытаскивает она рубашку Лемминкяйнена, а вот и его шапка. Все чернее на сердце у матери, но, преодолевая боль и страх, она продолжает свои ужасные поиски. Наконец она достает обезглавленное, с отрубленными конечностями тело Лемминкяйнена.

– Неужто нет способа его оживить? – в слезах воскликнула она.

– Нет! – зловеще прокаркал услышавший ее ворон. – Кто умер, тот жив уже не будет!

Глотая слезы, снова погрузила мать Лемминкяйнена грабли в воду. По одной выловила недостающие части тела сына. Приложила она их к телу, крепко связала жилы, молит богиню Суонетар и бога Укко соединить части дорогого ей тела. Затем по ее просьбе пчела приносит ей из лесного царства Метсолы медовую мазь, которой женщина смазывает тело Лемминкяйнена, но безрезультатно. Еще раз просит мать пчелку: за девятым морем, в доме Тури, есть чудодейственные мази, которые могут ей помочь. Отправилась в далекий путь прилежная пчелка, принесла требуемые мази, но и они не смогли оживить Лемминкяйнена. В третий раз просит женщина пчелку: высоко на небе, в погребке бога Укко ва-

рятся мази, которыми утоляет боль сам создатель. И снова не отказала пчелка в отчаянной материнской просьбе, множество сосудов с чудесными мазями принесла она из кладовых великого бога. Натерла ими женщина тело сына, и ожил Лемминкяйнен; точно пробудившись ото сна, сладко потянулся и сказал:

– Долго же я спал!

– И спал бы еще дольше, если бы не мать, – вздохнула женщина, у которой на глазах блестели слезы счастья.

Рассказал Лемминкяйнен, как убил его злой пастух (тут мать пожурила его за то, что он опрометчиво отправился на войну против чародеев не зная заклинания от змеиного укуса), посетовал, что теперь не видать ему прекрасную дочь хозяйки Похьёлы: лебеда-то он не убил.

– Бог с ним, с этим лебедем, пусть себе плавает, – ответила мать. – Поблагодари лучше творца за его чудесную помощь. Без нее не выбраться бы тебе из царства смерти.

Вскоре мать и сын благополучно возвратились домой.

Вяйнямёйнен в загробном мире

Задумал Вяйнямёйнен сделать лодку и послал Сампсу Пеллервойнена добыть дерева для постройки. Ведь кто же лучше разбирается в деревьях, чем Сампса, маленький сын лесной поляны? Идет Сампса по лесу, золотой топор с медной рукояткой лежит на его плече. Приглянулась ему трех-

саженная осина. Взмахнул Сампса топором, а осина ему говорит:

– Подожди, Сампса, не руби; не гожусь я для лодки: пустой ствол у меня, червем источенный, утонет лодка из такого дерева.

Идет дальше Сампса. Вот эта сосна точно подойдет. Но теперь Самса действует осмотрительнее: не спешит рубить, прежде стукнул сосну топором, спрашивает:

– Ну что, сосна, подойдешь ты Вяйнямёйнену для лодки?

– Нет, Сампса, – отвечает сосна. – Испортила меня ворона: трижды каркала этим летом сидя на моих ветвях. Поищи другое дерево.

Делать нечего, продолжил свой путь Сампса и вышел к красавцу дубу. Не стал лесной богатырь хитрить и отнекиваться, честно и рассудительно признался, что его древесина вполне подходит для изготовления лодки. Срубил дуб Сампса, стал Вяйнямёйнен строить из него лодку. Не нужны были вещему старцу ни топор, ни долото, ни молоток с гвоздями: силой заклинания превращал он куски дерева в борта, ребра, ключины, соединял их друг с другом в нужном порядке. Почти готова была лодка, но, как он ни силится, не может Вяйнямёйнен вспомнить последние три слова, необходимые для того, чтобы завершить работу. Пошел он по свету искать заветные слова. Целые стаи лебедей, гусей и ласточек, табун оленей и кучу белок перестрелял Вяйнямёйнен, но ни у одного зверя во рту не нашел он нужных слов. «Если заветных

слов нет на этом свете, они, верно, найдутся в потустороннем мире, в загробном царстве Туонелы», – подумал Вяйнямёйнен.

Пошел мудрый старец на берег реки Туонелы, просит дочь подземного бога Маны дать ему лодку, чтобы добраться до царства мертвых. Но живым нет туда входа, поэтому Вяйнямёйнен идет на хитрость и пытается выдать себя то за умершего естественной смертью, то за убитого, то за утопленника, то за погибшего от огня. Но хозяев подземного мира не проведешь: дочь Маны всякий раз разоблачает ложь Вяйнямёйнена и бранит его. Наконец Вяйнямёйнен вынужден сказать правду. Подземная дева злится пуще прежнего, но, уступая настойчивым просьбам старца, везет его на лодке в царство своего отца.

В жилище Маны Вяйнямёйнена встретила хозяйка и предложила пива, но, увидев, что кружка кишит лягушками и червями, тот предпочел отказаться. Узнав о цели его прихода, хозяйка Туонелы покачала головой:

– Не скажет тебе Мана этих слов, и сам ты никогда не сможешь вернуться в мир живых. Отсюда обратного хода нет.

Уложила хозяйка Вяйнямёйнена спать, а сама перегородила пролив сетями, чтобы Вяйнямёйнен не смог выбраться из Туонелы. Но, меняя свой облик, оборачиваясь то стеблем камыша, то червем, то змеей, Вяйнямёйнен сумел преодолеть сто сетей Маны и вернуться домой.

– Упаси вас бог, – сказал он землякам, – пытаться по сво-

ей воле проникнуть в страшное царство Маны. Не делайте зла, пока живы, чтобы не быть вам мучимыми там вместе с другими грешниками после смерти.

Вяйнямёйнен узнает заветные слова

Потерпев неудачу в царстве Туонелы, Вяйнямёйнен отнюдь не отказался от намерения отыскать волшебные слова. Встречный пастух посоветовал ему обратиться к Випунену. Вот только дорога к Випунену не из самых легких: пролегает она по концам иглок, по остриям мечей, по лезвиям секир. Вяйнямёйнен отправился к Ильмаринену, чтобы тот выковал ему железные сапоги и рубашку, но Ильмаринен сказал, что Випунен давно умер. Все же Вяйнямёйнен отправился в путь и, преодолев все препятствия, о которых предупредил его пастух, увидел Випунена: могучий чародей лежал вросши в сырую землю, на его лице, бороде и плечах росли деревья. Достал Вяйнямёйнен меч, срубил деревья, выросшие из тела Випунена, воткнул в рот великану железный кол и велел ему пробудиться.

Тяжело пошевелились огромные веки Випунена, с легким стоном просыпающегося человека он сомкнул зубы и ощутил боль от железного кола. От движений Випунена Вяйнямёйнен, стоявший на его губе, поскользнулся и упал прямо в рот великана. Сделал Випунен вздох и проглотил певца Калвалы.

«Вот несчастье так несчастье», – сокрушенно подумал Вяйнямёйнен, очутившись в темном желудке исполина. Тут он вспомнил про свой нож; из его березовой рукоятки он выстрогал лодку и поплыл по кишкам Випунена, с трудом пробираясь через узкие проходы. Найдя подходящее место, Вяйнямёйнен стал ковать; рукава его рубашки послужили ему мехами, шуба – поддувалом, колено – наковальней, а рукой он орудовал как молотком. Ужасный шум, доносившийся из его чрева, обеспокоил Випунена, и он потребовал, чтобы незваный гость назвал себя и покинул его тело.

– А зачем мне уходить? – хитрил Вяйнямёйнен. – Мне и здесь хорошо. Живу себе в свое удовольствие, ем твою печень, легкие, сало. Тихо, тепло, удобно! А свою кузницу я, пожалуй, размещу прямо в твоём сердце и буду колотить так, что ты света белого не взвидишь... если только ты не откроешь мне некие слова, обладающие волшебной силой.

Открыл Випунен ларец заклинаний и стал петь о начале вещей: как возникли земля и небо, солнце и месяц, откуда произошли ветры и звезды. Остановили свой бег небесные светила, внимая слову великого чародея, замерли текущие воды: вся природа, затаив дыхание, слушала пение Випунена. Наконец Вяйнямёйнен решил, что узнал все, что ему нужно, и попросил Випунена открыть рот пошире, чтобы он мог выбраться наружу. С радостью исполнил великан его просьбу, и довольный Вяйнямёйнен отправился домой. Теперь ему не составило труда достроить свою лодку.

Соперничество

Вяйнямёйнена и Ильмаринена

Снова решил Вяйнямёйнен свататься к дочери хозяйки Похъёлы. Расписал он яркими красками свою новую лодку, поставил паруса красного и синего цвета и поплыл в далекий северный край. Его увидела сестра Ильмаринена Анникки, которая рано утром стирала белье на берегу. Они разговорились. Анникки поинтересовалась, куда собрался Вяйнямёйнен, краса и гордость Калевалы. Не хотел седовласый певец говорить ей о цели своего путешествия, трижды солгал он, будто бы отправляется ловить лососей, охотиться на гусей или на войну, но ни разу не поверила ему Анникки. Пришлось Вяйнямёйнену сказать правду. Сразу же побежала Анникки к брату, торопится предупредить его, что старый Вяйнямёйнен задумал обойти его, завладеть девушкой, которая по праву принадлежит ему, Ильмаринену. Опечалился мастер. Велел он Анникки истопить ему баню. После мытья Ильмаринен преобразился: теперь он сиял красотой и здоровьем. Надел Ильмаринен нарядную одежду, сел в стальные сани и поспешил в Похъёлу отстаивать свои законные права.

Путь Ильмаринена пролегал вдоль берега моря, и на третий день он догнал Вяйнямёйнена. Предложил он старцу уговор: пусть девушка сама выбирает себе мужа, неволить ее ни один из них не будет. Вяйнямёйнен согласился.

Появление Вяйнямёйнена и Ильмаринена произвело переполох в доме хозяйки Похьёлы. Не зная, добра или лиха ожидать им от чужестранцев, Лоухи велела дочери поджечь ветвь рябины: если польется кровь, на них идут войной, если вода – намерения у гостей мирные. Но с рябины потекла не кровь и не вода, а потек мед; значит, быть сватовству. Вышла хозяйка Похьёлы с матерью и дочерью навстречу гостям, сразу узнала женихов.

– Гляди, сколько добра привез Вяйнямёйнен в своей лодке, – потихоньку сказала Лоухи дочери, – а Ильмаринен приехал с пустыми руками. Когда войдут они в дом, подай кружку меда тому, кого ты выбрала. Подай ее Вяйнямёйнену, дочка, ты поняла меня? Вяйнямёйнену!

– А мне Ильмаринен мил, пусть и нет у него богатства, – с вызовом ответила своенравная девушка. – Погляди, какой он красивый; и Сампо он выковал, никто другой не сумел бы это сделать. Разве можно с ним сравнить дряхлого Вяйнямёйнена!

Не послушалась матери дочь хозяйки Похьёлы, отказала она вещему старцу.

Свадьба Ильмаринена

Пришлось хозяйке Похьёлы смириться с выбором дочери, но сдаваться так просто она не собиралась. Старая Лоухи приготовила для будущего зятя несколько опасных поруче-

ний: вспахать поле со змеями, да так, чтобы плуг даже не качнулся, поймать в царстве мертвых медведя Маналы и добыть щуку из реки Туонелы без невода. Пал духом Ильмаринен, но невеста помогла ему своими советами справиться с этими тяжелыми испытаниями, подсказала, какие орудия помогут ему добиться успеха: поле надо пахать золотой сохой, украшенной серебром, поймать медведя поможет стальная узда, выкованная в пене трех потоков, а щука не скроется от огненного орла с железными когтями. Все сделал Ильмаринен так, как советовала ему невеста, исковал чудесные орудия и с честью вышел из всех трех испытаний.

Пришлось теперь хозяйке Похьёлы дать согласие на свадьбу, хотя она и не упустила случая пожурить Ильмаринена за то, что его орел оторвал у щуки голову и отведал ее мяса. Узнав об этом, поник головой Вяйнямёйнен, стал собираться в обратный путь. Заповедал Вяйнямёйнен своему народу, что не должен старец свататься к молодой девице, если у него есть юный соперник.

Тем временем в Похьёле начали готовиться к свадьбе. Из Карелии привели огромного быка; с большим трудом нашли мясника, способного его зарезать. Чтобы пиво было вкуснее, хозяйка Похьёлы добавила в него еловых шишек, дрожжей из слюны медведя и меду. Дым из котла, в котором варилось пиво, заволок пол-Похьёлы и всю Карелию. Видел его на своем острове и Лемминкяйнен; поначалу он подумал, что началась война, а узнав, в чем дело, недобро изменился

в лице: «Пусть варят, оно пригодится на м о е й свадьбе», – процедил он сквозь зубы.

Во все концы разослали гонцов с приглашением на свадьбу, лишь Лемминкяйнена, зная его буйный, задиристый нрав, строго-настрого запретила приглашать хозяйка Похьёлы.

С целой толпой спутников прибыл на свадьбу Ильмаринен. Ласково встречает их Лоухи, велит расседлать и накормить их коней. Теперь уже и она дивится красоте Ильмаринена. Масло, семгу, свинину, пиво – все самое лучшее подает на стол радушная хозяйка.

– Что за пир без песни! – воскликнул Вяйнямёйнен, беря кружку с пивом. – Неужели никто не потешит нас золотым напевом?

Все приумолкли, лишь один маленький мальчик вызвался спеть для гостей.

– Нет, петь песни должно мудрым, – сказал какой-то старик.

– Так никто не хочет? – обвел глазами присутствующих Вяйнямёйнен. – Ну, тогда спою я.

Дивились люди песне Вяйнямёйнена, радостью наполнила она их сердца. Закончив пение, Вяйнямёйнен попросил бога Укко благословить гостеприимных хозяев.

Перед отъездом в Калевалу старшие наставляли новобрачных, учили их премудростям семейной жизни. Молодой жене советовали забыть о родительской ласке и девичьих ра-

достях, быть трудолюбивой, смиренной, во всем угождать родне мужа. Жениху велели ласково и заботливо обходиться с женой, быть с ней терпеливым, а если все-таки потребуется ее наказать, то знать меру и никогда не бить при посторонних.

В доме Ильмаринена молодых тоже встречали угощением и песнями. Когда Вяйнямёйнен после пира навеселе возвращался домой, его сани налетели на камень и сломались. Пришлось старцу снова спуститься в царство Туонелы и раздобыть у Маны бурав, чтобы починить их.

Лемминкяйнен едет в гости

Черная обида на похъёльцев, обошедших его приглашением на свадьбу, поселилась в сердце Лемминкяйнена. Не до хозяйства ему теперь, все валится у него из рук. Вскочил Ахти на лошадь, поскакал к дому матери, просит накормить его, истопить баню и принести нарядную одежду.

– На охоту собрался, сынок? – спросила мать.

– Нет, мать, в Похъёлу еду, на свадьбу, – глаза Лемминкяйнена сверкнули злобным огоньком. – Что-то погулять охота!

– Не езд, сыночек, – принялась упрашивать его мать, – тебя ведь туда не звали.

– У кого есть добрый меч, тому приглашение не нужно, – отрезал Лемминкяйнен.

– Но в дороге смерть будет трижды подстергать тебя, – предупредила мать. – Сперва тебе встретится огненная река; на ее берегу сидит орел, который убивает всех путников. Затем на твоём пути возникнет огненный ров, полный раскаленных камней. И наконец, у самых ворот, ведущих в Похьёлу, в самом узком месте, рыщет волк Унто; он сгубил уже сотни героев.

– Не страшны мне эти напасти, – отвечал Лемминкяйнен, – мои чары сильнее.

– Это еще не все, – продолжала мать. – Двор Похьёлы окружает железный частокол высотой до неба; вместо кольев в нем – копья, вокруг которых обвились змеи, вместо связок – ящерицы, и повсюду ползают змеи, а одна, самая страшная, лежит прямо у входа, готовая проглотить тебя своей огромной пастью.

– Ну, со змеями мне воевать не впервой, – усмехнулся Лемминкяйнен. – Разве мало я их извел, когда распахивал наше поле?

– Но воины Похьёлы сильны и многочисленны. Они убьют тебя.

– Прежде они сами падут от моего меча, – в голосе Лемминкяйнена звучала непоколебимая уверенность в собственной силе.

Взял Лемминкяйнен меч, секиру и лук, оставшиеся ему от отца, велел рабу запрягать лошадь. Не без душевных колебаний отправился Ахти в опасный путь: все же в глубине

души он ощущал страх, но решения своего не изменил.

Через час пути Лемминкяйнен увидел на дороге стаю чернышей, которая при его приближении пугливо взмыла вверх. Ахти подобрал несколько перьев: мало ли что может пригодиться в дороге.

Дальше поехал Лемминкяйнен, и, как и предупреждала его мать, путь ему преградила огненная река. Посреди реки пылала скала, на которой, грозно маша крыльями, сидел орел, изрыгавший из клюва пламя. Увидел орел Лемминкяйнена, спрашивает, куда тот держит путь. Не таясь, отвечает ему Лемминкяйнен и просит посторониться, дать ему дорогу.

– Если сможешь пройти через мою глотку, так и быть, проезжай, – говорит орел.

Нисколько не озадаченный этим условием, Лемминкяйнен достал перья чернышей, скатал их в комочки, потер пальцами, и комочки превратились в стаю глухарей. Бросил их орлу в горло Лемминкяйнен и легко миновал огненную реку.

Совсем немного проехал Лемминкяйнен, как его лошадь испуганно заржала и подалась назад. Перед ним был огненный ров, заполненный огромными камнями. Обратился Лемминкяйнен к богу Укко, попросил его послать снегопад. Со всех сторон света набежали тучи, и повалил густой снег. Скоро на месте раскаленного рва бурлило волнами озеро. С помощью заклинания Лемминкяйнен построил ледяной

мост и благополучно перебрался на другой берег.

И волка, поджидавшего его у ворот Похъёлы, без труда перехитрил находчивый Лемминкяйнен. Скатал он комок овечьей шерсти, и превратилась она в стадо ягнят. Бросился волк ловить ягнят, а Лемминкяйнен, посмеиваясь, продолжил свой путь.

Вот и усадьба хозяйки Похъёлы. Видит Лемминкяйнен, что все, о чем говорила ему мать, правда: и забор до неба, и копыя вместо кольев, и отовсюду доносится змеиное шипение. Достал Лемминкяйнен свой нож и стал яростно колоть страшную ограду; один за другим летели во все стороны куски смертоносного железа, пока не рухнули все семь шестов, на которых покоился забор. Лемминкяйнен подъехал к воротам. Чудовищная змея, протянувшаяся от одного их столба к другому, сотней неподвижных глаз, в каждом из которых тускло мерцал огонек смертельной злобы, следила за каждым движением отважного калевальца, тысячей длинных, как копыя, извивающихся жал грозила ему гибелью. Но вид ужасного чудовища не напугал удалого забияку.

– А ну прочь с дороги, мерзкий червяк! – дерзко крикнул змее Лемминкяйнен, замахиваясь на нее ножом.

Злобно зашипела змея и, высоко поднявшись на хвосте, широко разинув пасть, двинулась на отважного пришельца. Вспомнил Лемминкяйнен заклинания против змей, которым некогда научила его мать, стал громко выкрикивать их, бесстрашно гарцуя перед чудовищем на метавшемся из сто-

роны в сторону напуганном коне. Свернулась змея в клубок и трусливо поползла прочь. Путь к дому хозяйки Похъёлы был свободен.

– Ну, хозяин, вот и я! – весело воскликнул Лемминкяйнен, без стука войдя в комнату, где празднество было в самом разгаре, и встал в середине, широко раздвинув ноги и уперев руки в бока. – Что, найдется у тебя ячменя моей лошадке, а для меня добрая кружка пива?!

Остолбнев от такой дерзости, гости молча воззрились на незваного пришельца. Веселье за столом смолкло.

– Оно, может, и нашлось бы, – степенно проговорил наконец хозяин, – если бы ты вошел, как должно: у дверей остановился, хозяевам поклонился.

– Пусть Лемпо¹ здесь стоит у входа, – холодно бросил Лемминкяйнен, – а у моего отца в этом доме всегда было и место за столом и гвоздь, на который он мог повесить свою одежду. Отчего бы и мне не чувствовать себя здесь столь же вольготно?

С этими словами Лемминкяйнен широким, размашистым шагом подошел к краю стола и с такой силой опустился на лавку, что она затрещала.

– Видно, не ко времени я заявился, – громко сказал он, небрежно развалясь и нетерпеливо постукивая пальцами по столу. – Что-то не несут мне пива.

– Сдается мне, Лемминкяйнен, что не в гости ты приехал,

---

¹ Другое имя Хийси.

а искать с нами ссоры, – сказала Лоухи (другое имя которой было Ильпотар). – Не готово угощение: тебе бы вчера приехать или завтра.

Лицо Лемминкяйнена исказилось от гнева.

– Стало быть, без меня все сожрали, как собаки! – крикнул он, ударив кулаком по столу. – И впрямь собаки: собрали одно отребье, батраков в лохмотьях, лишь для меня за вашим столом не нашлось места! Но теперь-то уж вы дадите мне и поесть и выпить или горько пожалеете, не будь я Лемминкяйнен!

Велела Лоухи служанке принести Лемминкяйнену еды и пива. Но от свадебного пира остались только рыбы кости, увядшая ботва репы, сухая хлебная корка да жидкое пиво. Посмотрел Лемминкяйнен на жалкое угощение, презрительно поморщился.

– В Туонелу отправлять таких хозяев! – бросил он и отодвинул от себя тарелки. Пива все-таки выпил, предварительно выудив из кружки крючком набившихся туда змей, и даже крикнул от удовольствия.

– Нежеланный я гость в этом доме, ох, нежеланный! – прищурившись с недоброй усмешкой, покачал Лемминкяйнен головой. – А то нашлось бы у вас для меня угощение получше.

– Ты зачем сюда явился? – решительно обратился к Лемминкяйнену хозяин, видимо, решивший положить конец выходкам наглеца. – Кто тебя звал?

– Незванный гость дороже званого, – будто не замечая закипающего гнева хозяина, в той же глумливой манере продолжал Лемминкяйнен. – Не хотите угощать даром, так хоть продайте снеди. Денег хватит, не сомневайтесь.

Вконец рассвирепел хозяин Похъёлы, уже с нескрываемой враждебностью глядит он на развалившегося за столом Лемминкяйнена.

– Река есть, из нее и хлебай сколько влезет, – резко бросил он.

Лемминкяйнен соорудил насмешливо-недоуменную гримасу:

– Я что, теленок, чтобы пить из реки?

Начал Лемминкяйнен творить заклинания и сперва создал быка с золотыми рогами, который вылакал до капли разлившуюся вдруг на полу лужу; затем невесть откуда взявшийся волк сожрал быка. Следом за ним появился заяц и стал бесстрашно скакать прямо перед мордой волка, но возникшая из ничего собака растерзала зайца. Еще белку, куницу, курицу и ястреба создал чародейством Лемминкяйнен; все они последовательно убивали один другого.

– А ну хватит! Убирайся отсюда, ты, исчадьё Хийси! – закричал хозяин, срывая со стены свой меч.

– А вот это уже дерзость! – произнес Лемминкяйнен, вскакывая с места и, в свою очередь, обнажая оружие. – Кто ж это позволит, чтобы его так бесцеремонно сгоняли с места! Отец мой, бывало, храбро мерился на мечах. И хоть

мой меч и зазубрился, рубя кости врагов, а все же, думаю, я не посрамлю славы своего рода!

Яростно бросились противники друг на друга. Меч хозяина Похъёлы длиннее, чем у Ахти, обрушил он на врага град ударов, но ловко уворачивается от них Лемминкяйнен, успевая еще и подтрунивать над противником:

– В чем провинились твои стропила, что ты рубишь их в щепки?

Трудно сражаться в доме, предложил Ахти выйти во двор. Снова сыплет удары хозяин Похъёлы, но ни разу не смог он попасть в Лемминкяйнена.

– Ну, теперь мой черед, – весело сказал Ахти. – Глядь, хозяин, что это у тебя блестит на шее?

Хозяин Похъёлы невольно опустил взгляд, пытаясь разглядеть свою шею, и в это мгновение Лемминкяйнен быстрым ударом снес противнику голову. Поднял ее калевалец, подошел к забору, на кольях которого красовались человеческие черепа, и надел на единственный свободный кол. После этого Лемминкяйнен как ни в чем не бывало вернулся в дом и велел служанке принести ему воды, чтобы помыть испачканные в крови руки.

Разъярилась хозяйка Похъёлы, видя смерть мужа, сто вооруженных воинов по ее зову двинулись на Лемминкяйнена. Пришлось храброму калевальцу спастись бегством.

Лемминкяйнен в бегах

Выбежал Лемминкяйнен во двор, ищет взглядом коня, но конь исчез. Пришлось Ахти обернуться орлом, взмыть высоко в поднебесье. Трудно Лемминкяйнелу лететь, обжигает его солнечный жар. Взмолился Лемминкяйнен к богу Укко, просит закрыть его от солнца облаком. Дальше летит калевалец; вдруг видит: прямо на него стрелой летит ястреб, а глаза у него горят точь-в-точь как у убитого им хозяина Похъёлы.

– Куда торопишься, Ахти? Наша битва еще не кончена, – молвит он ему.

– Ястребу орла не заклевать, так и Расскажи в своей Похъэле, – ответил ему Лемминкяйнен и что было мочи устремился к дому.

Увидела его мать из окна, вышла навстречу.

– Что ты такой мрачный, сынок? – спрашивает она с беспокойством. – Или обнесли тебя кружкой на пиру в Похъэле, или твой конь опозорился в беге, или там женщины над тобой смеялись?

– Пусть бы только попробовали: уж я бы им показал, – проворчал в ответ Лемминкяйнен. – Послушай, мать: не время сейчас для разговоров. Ты лучше собери покорее мне еды в мешок; мне нужно скрыться подальше отсюда, а не то худо будет.

– Боже мой, сынок, что ты натворил?! – всплеснула руками мать.

Узнав о произошедшем в Похъёле, она сокрушенно покачала головой:

– Говорила я тебе: не ездь в Похъёлу. Куда ж тебе теперь податься?

– Сам не знаю, – беспокойно оглядываясь по сторонам, сказал Лемминкяйнен. – Может, ты что посоветуешь?

– Даже не знаю, – задумалась мать. – Хоть деревом стань, хоть рыбой, хоть зверем, все равно беда настигнет... Хотя постой! Есть одно место, где ты будешь в полной безопасности. Но прежде, чем я его тебе назову, поклянись самой страшной клятвой, что в течение десяти лет ты не возьмешь в руки меч и не пойдешь ни на какую войну.

Дал клятву Лемминкяйнен.

– За девятью морями есть остров. На нем твой отец когда-то без забот прожил целый год, когда в нашем краю бушевала война. Укройся там, а когда все уляжется, возвращайся домой.

Почти три месяца добирался Лемминкяйнен до заветного острова. С берега его лодку увидели три девушки, ожидавшие родных. Пристал к берегу Лемминкяйнен, просит разрешения вытащить лодку на сушу. Девушки указали ему подходящее место. Спрашивает Лемминкяйнен, есть ли здесь место, чтобы укрыться от опасности. Ответ его радует: на острове много крепостей и домов, способных вме-

стить хоть сотню беглецов. А вот на надел земли под пашню он может не рассчитывать: все земельные угодья на острове уже поделены. Зато попеть и поплясать здесь можно вволю. И тем доволен Лемминкяйнен, он тут же заводит песню. От его песни вырастают рябины и дубы, на ветвях которых растут золотые кольца; у сидящих на них кукушек из клювов течет золото и серебро. Дальше пел Лемминкяйнен, и песок превращался в жемчуг, а деревья покрывались золотыми цветами; колодец с золотой крышкой, пруды, в которых плавали утки, – все это появилось силой песни Лемминкяйнена. Изумленные, взирали на это чудо девушки.

– Я и не так бы спел, будь я у себя дома, – наслаждаясь произведенным впечатлением, похвалился Лемминкяйнен.

Девушки показали ему свободный дом, который Лемминкяйнен силой волшебства тут же заполнил всей необходимой утварью и съестными припасами.

Великая слава пошла о Лемминкяйнене по острову, все женщины жаждали с ним познакомиться, ни от одной не встречал Лемминкяйнен отказа. Скоро из каждой сотни женщин не осталось и трех, которых не соблазнил бы неутомимый калевалец.

Лишь одну старую деву, жившую на окраине деревни, обошел своим вниманием Лемминкяйнен. Тогда старуха пришла к нему сама и пригрозила, что если он не уделит и ей толику того, что в избытке дарит другим женщинам, то она найдет на него чары и его лодка разобьется о скалы.

Не испугался угроз Лемминкяйнен, не польстился на старуху. Но как-то вечером он решил, потехи ради, наведаться к старой деве. Идет Лемминкяйнен по улице, заглядывает в окна домов и видит: в каждом из них отцы и братья обесчещенных им женщин точат мечи, чтобы расправиться с любвеобильным калевальцем. Повернулся Лемминкяйнен, побежал на то место, где он оставил свою лодку, и – о, ужас! – видит, что она обратилась в пепел. Сделал Лемминкяйнен новую лодку из маленьких кусочков дерева и устремился прочь от подарившего ему столько радости, но ставшего теперь смертельно опасным острова. Очень горевали из-за его отъезда оставленные им девушки, плакал и сам Лемминкяйнен.

На третий день его плавания налетела буря и разбила утлое суденышко калевальца. День и ночь Лемминкяйнен добирался вплавь, пока не увидел на западе землю. Его приютили мать с дочерьми, жившие на берегу. Подкрепив свои истощенные силы и отдохнув у добрых, гостеприимных хозяек, Лемминкяйнен сделал новую лодку и без дальнейших приключений добрался домой.

Но нерадостным было его возвращение. Вот и родные места: острова, проливы, сосны на пригорке... Но где же его дом? Место, где стояла усадьба Лемминкяйнена, поросла елями и можжевельником. Горько заплакал Лемминкяйнен, два дня не мог унять он свое горе. На третий день Лемминкяйнен увидел летящего орла, который поведал ему, буд-

то бы его мать была убита врагами, которые сожгли его дом. Еще горше зарыдал Лемминкяйнен, жгучее раскаяние терзает ему сердце.

Когда первый порыв горя прошел и Лемминкяйнен немного успокоился, он заметил на траве едва различимый след, который вел в лес. Пойдя по следу, он вышел к хижине, где обнаружил свою мать, живую и невредимую. Радости Лемминкяйнена не было предела. Мать рассказала ему, как пришли люди Похьёлы и сравняли их дом с землей. Утешил мать Лемминкяйнен, обещал ей построить новый дом, краше прежнего; забыв о пережитых горестях, с упоением расписывал он свою веселую, беззаботную жизнь на острове.

Лемминкяйнен объявляет войну

Не собирался Ахти прощать жителям Похьёлы причиненное ему зло; душа беспокойного островитянина страстно жаждала мести. Но клятва не воевать десять лет, данная Лемминкяйненом матери перед поездкой, связывала ему руки точно путы. После недолгих колебаний Ахти все-таки решил выступить в поход. Понимая, что в одиночку ему не справиться с многочисленной армией Похьёлы, Лемминкяйнен стал искать союзников. Вспомнил Ахти о своем друге Тиэре. Отговаривали родные недавно женившегося и с головой ушедшего в хозяйство Тиэру от участия в авантюрах его непутевого друга, но воспоминания о прежних совместных

подвигах снова зажгли в сердце Тиэры боевой дух: потряс он от избытка чувств копьем и далеко бросил его, показывая, что не утратил прежней силы и воинской сноровки.

Как змея между колосьев, скользила по морским волнам лодка Ахти и Тиэры, неумолимо влекла друзей навстречу превратностям войны. Благодаря ведовству хозяйка Похьёлы заранее знала о намерениях Лемминкяйнена. Заклинала она мороз сковать море льдом, до смерти застудить калевальца по дороге. Схватил Лемминкяйнен мороз руками, грозит бросить его в огонь, велит оставить себя в покое. Испугался мороз, запросил пощады. Оставив лодку во льду, Лемминкяйнен с Тиэрой по поверхности замерзшего моря пешком добрались до Голодного мыса, где стояла бедная деревушка. Нечем было ее жителям накормить уставших путников. Проклял Лемминкяйнен деревню, голодные пошли они с Тиэрой дальше. Заблудились калевальцы в незнакомой местности на лютom морозе, уже потеряли они надежду на спасение. Не осталось Лемминкяйнену с Тиэрой ничего иного, как повернуть обратно.

Куллерво – несчастный герой

Жили три брата, которых судьба раскидала по свету. Один оказался в России и стал торговцем, другой, по имени Калерво, попал к карелам, третий – его звали Унтамо – остался дома, в Калевале. Не по-братски поступил Унтамо с Калерво:

поставил он свои сети в затоках, принадлежавших Калерво. Взял Калерво всю рыбу из сетей себе; лютой злобой преисполнился на него за это Унтамо. Сошлись два брата в жестокой сече: бьются день, бьются другой, ни один не может одолеть противника. После нее уже Калерво нанес обиду брату: посеял овес на поле Унтамо, а его собака съела овцу Унтамо, которая полакомилась всходами. Собрав большую рать, снова пошел Унтамо войной на Калерво, перебил весь его род, сровнял с землей жилище. Лишь одна беременная женщина осталась в живых из всей многочисленной семьи Калерво; захватчики сделали ее своей служанкой. Вскоре у нее родился сын, названный Куллерво. «Мститель родился», – со злобой произнес Унтамо. На третий день мальчик самостоятельно выполз из люльки, разломал ее надвое и разорвал свои пеленки. По всему выходило, что растет у служанки будущий могучий воин. Когда Куллерво подрос, им завладела мысль отомстить Унтамо за убийство своей семьи. Понял Унтамо, что на уме у отрока, и решил избавиться от Куллерво. Посадили мальчика в бочку и бросили в море. Но мальчик выбрался из бочки и, усевшись на нее верхом, стал ловить удочкой рыбу. Снова стал ломать голову Унтамо: как избавиться от опасного мальчишки? Велел он развести костер и бросить в него ребенка. Когда костер догорел, все в изумлении увидели, что Куллерво, живой и невредимый, сидит в золе и даже разгребает угли кочергой, увеличивая затухающее пламя. Не на шутку рассердился Унтамо, повесил ребен-

ка на дубе. На третий день послал он слугу посмотреть на тело Куллерво, а тот ему докладывает: «Жив Куллерво, как ни в чем не бывало вырезает на коре рисунки, воинов с мечами». Поняв, что мальчик неуязвим для него, отказался Унтамо от попыток убить Куллерво, решил воспитывать его как своего раба. Поручил он ему нянчить младенца, но Куллерво замучил ребенка и сжег его колыбель. Тогда отправил его Унтамо в лес рубить деревья. Одним ударом валил Куллерво крепкие стволы, но наложил заклятие: никогда ничего не вырастет больше там, где он прошелся своим топором. Видит Унтамо, что и в качестве дровосека Куллерво принесет ему немного пользы, поручил ему сплести плетень. Из огромных деревьев сделал Куллерво плетень, но он был сплошной, без ворот. После этого Куллерво молотил рожь: в пыль превратил он зерна, в труху истребал солому. Потерял Унтамо терпение и продал Куллерво Ильмаринену за пару старых котлов да несколько негодных крюков, кос и мотыг.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.